

Михаил СЕРЕГИН

РУССКИЙ
ВОР

ДОЛГ
ГРАБЕЖОМ КРАСЕН

ЭКСМО

Русский вор

Михаил Серегин

Долг грабежом красен

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Долг грабежом красен / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Русский вор)

В морской пехоте служил, срок мотал, в подпольном бизнесе работал – значит, имеешь авторитет и можешь неплохо раскрутиться по жизни. А вот раскрутиться Владимир Полунин хочет вполне легально – надоело тюрьмы бояться, да и близких надо поберечь. Только спокойного бизнеса не бывает. Акционеры нефтяной компании, совладельцем которой он стал, грызутся между собой, как хищники в джунглях. Последнее слово, как всегда, за киллером. В итоге Владимир оказывается вне закона, за ним охотятся и компаньоны, и менты. И не только за ним – опасность нависла над его сыном. Что ж, лихой морпех и тертый зэк умеет не только держать удары, но и наносить их...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	17
ГЛАВА ВТОРАЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Георгиевич Серегин

Долг грабежом красен

ПРОЛОГ

«Дворники» смахивали липнувшие к лобовому стеклу дождевые капли, каждым своим движением возвращая реалистичность угрюмому городскому пейзажу, видимому из окна автомобиля.

Почти одновременно наступившие на город сумерки и мелко моросящий дождь словно окунули его в темную липкую массу, затрудняющую передвижение машин и вызывающую у людей чувство уныния и дискомфорта.

Валерий Лобников гнал свою новенькую «Ауди» по блестящей от дождя мостовой. Продолжая управлять левой рукой, правой он достал из кармана плаща мобильник и вновь повторил уже набранный номер.

На сей раз абонент наконец-то ответил, и Валерий услышал знакомый голос Андрея Капустина.

– Это я, Валерий, – сказал он, сдерживая себя. – Послушай, Андрей, ты хоть понимаешь, что творится?! Ко мне в офис сегодня нагрянули менты с обыском.

– Знаю, все знаю, – ответил Капустин с раздражением в голосе. – Ты, главное, не дергайся, все будет нормально. Я обо всем проинформировал кого следует.

– Что значит – проинформировал?! – заорал в трубку Лобников. – Значит, ты поздно их предупредил, меня трясут по полной программе! Сегодня шмонали одновременно две мои фирмы, «Ромакс» и «Брасском».

– А чего ты удивляешься, я предупреждал тебя накануне, чтобы ждал проверок, – недоумевая ответил Капустин.

– Ты говорил мне о какой-то комиссии из областной администрации, которая придет с формальной проверкой, – заявил Лобников. – А меня трясет неизвестно откуда взявшаяся спецбригада, в которую входят и менты, и фээсбэшники и которую возглавляет приезжий прокурор из Москвы. Почему меня никто не предупредил?

– Ты вывез документы из своих фирм, как тебе было сказано? – не обращая внимания на его эмоции, спросил Капустин.

– Вывез, – с неохотой ответил Лобников. – Документы в надежном месте.

– Хорошо, очень хорошо, – в голосе Капустина послышалось явное облегчение.

– Но это ничего не меняет. Я хочу знать, что происходит? – продолжал настаивать Лобников. – Вчера я звонил Лешке Петрову, его мать сказала, что он уже два дня не появляется дома и не звонит ей.

– Я не знаю ничего об Алексее, и сейчас мне не до этого, – спокойным голосом ответил Капустин. – Никуда он не денется. Залег на хате у какой-нибудь телки, такое с ним и раньше случалось.

– Да, случалось, но при этом он всегда отзывался и сообщал, где его можно найти в случае крайней необходимости.

– Говорю тебе, он рано или поздно появится, – спокойно ответил Капустин. – Я хочу знать, где ты спрятал документы?

– А я хочу знать, где Леха Петров, и меня удивляет то, что ты так спокойно относишься к исчезновению одного из твоих главных партнеров по бизнесу.

– Послушай, Валерий, это не телефонный разговор, – начал успокаивающим голосом Андрей. – Документы, которые у тебя находятся, ты должен передать нашим людям, которые за

ними придут. Это нужно для твоей же собственной безопасности. Я сделаю то же самое. После чего нам всем надо исчезнуть из города и лечь на дно до тех пор, пока этот кипеш не уляжется.

– Я не собираюсь никому передавать документы, пока не выясню, откуда пошла эта заваруха и чем она нам грозит, – решительно заявил Лобников.

– Я повторяю – это не телефонный разговор, – ответил Капустин. – Ты же знаешь, что в нашем деле задействованы высокие чины. Мы не должны их подставлять.

– В таком случае я хочу немедленно с тобой встретиться, – решительно заявил Лобников. На том конце долгое время царило молчание.

– Хорошо, – наконец согласился Капустин. – Приезжай сейчас ко мне домой. Я нахожусь в квартире на улице Савицкого. Знаешь, где это?

– Знаю, – ответил Лобников.

– Я буду тут еще десять минут, не больше. Успеешь за это время доехать? – спросил Капустин.

– Успею, – ответил Валерий и отключил мобильник.

Он вырулил на крайнюю левую полосу и помчался с еще большей скоростью по мокрому уличному асфальту.

Уличные фонари, мобилизованные на борьбу с надвигающейся темнотой, работали во всю мощь, однако в условиях сумерек их свет не слишком помогал.

Прохожих на улицах было немного, да и те, кому довелось оказаться на улице в такую мерзкую погоду, спешили как можно быстрее добраться до дома.

Лобников мчался на своей «Ауди» по пустынной городской магистрали, умело маневрируя между редкими машинами. Однако он едва-едва уложился в обусловленные десять минут.

Улица Савицкого находилась в одном из спальных районов города. Девятиэтажный кирпичный дом, в котором располагалась квартира Капустина, имел форму квадрата, внутри которого располагались детская площадка и стоянка для автомобилей.

Лобников по асфальтовой дорожке подкатился к подъезду, напротив которого был припаркован синего цвета «Мерседес».

Увидев стоящую у подъезда иномарку, Валерий вздохнул с облегчением – это был автомобиль Капустина.

В душе Лобников не был уверен в том, что Капустин дождет его и захочет с ним переговорить.

Валерий звонил Капустину с самого утра, когда в офисы компании, принадлежавшей Лобникову, заявили люди в штатском, сопровождаемые автоматчиками, одетыми в камуфляжную форму, лица которых были скрыты черными масками.

Люди в штатском представились работниками прокуратуры. Кроме того, они пояснили, что проверка деятельности фирм, принадлежащих Лобникову, производится в рамках уголовного дела, возбужденного по материалам деятельности нефтяной компании «Аркада», с которой фирмы Лобникова были связаны напрямую.

Вскоре Лобников узнал, что в состав группы входят не только прокурорские работники, но и следователи из ФСБ и МВД.

Это убедило его в том, что им и его деловыми партнерами занялись очень серьезно.

Лобников был уверен, что за этим стоят очень влиятельные люди из Москвы.

Как могли Капустин и его боссы прозевать столь неожиданный наезд такой мощной следственной бригады? Кто стоял за ее появлением? И как это могло отразиться на судьбе самого Лобникова? Вот вопросы, на которые должен ответить Капустин.

...Лобников заглушил мотор и собирался уже вылезти из машины, когда из дверей подъезда появился Андрей Капустин. На нем был светло-серый длинный плащ, в одной руке он держал небольшой кожаный кейс, в другой – ключи от машины.

Нервно оглянувшись по сторонам, Капустин быстро сбежал по ступенькам крыльца и направился к своему автомобилю.

Лобников вылез из машины и хотел было окликнуть Андрея, но не сделал этого, так как его внимание невольно переключилось на темно-серую «девятку», резко тронувшуюся с места в направлении капустинского «Мерседеса».

Валерий остановился и замер около своей «Ауди», наблюдая за движущейся машиной.

«Девятка», в свою очередь, проехав метров двадцать и поравнявшись с Капустиным, резко затормозила.

В следующий момент слух Лобникова уловил едва слышимый хлопок.

С позиции, с которой наблюдал за происходящим Валерий, было видно, как стоящий спиной к «девятке» Капустин дернулся, при этом судорожно упершись рукой в корпус «Мерседеса», после чего стал медленно заваливаться назад.

В следующий момент из «девятки» вылез невысокого роста мужчина, одетый в черную кожаную куртку, на голове у него была серая вязаная шапочка. Несмотря на то что Лобников находился в метрах десяти от киллера, черты его лица он разглядеть не успел.

Запомнились только большие черные очки дымчатого цвета и аккуратно постриженные седые усы и борода.

Киллер шагнул к своей жертве, лежавшей на асфальте, и, почти не целясь, сделал контрольный выстрел. Затем он быстро наклонился и схватил лежавший рядом с Капустиным кейс. После чего, швырнув пистолет в лужу, киллер быстро залез в машину.

«Девятка» на огромной скорости пронеслась мимо Лобникова и через несколько секунд скрылась в арке дома.

Таким образом, не прошло и минуты, как все было кончено.

Повинуясь какому-то внутреннему движению души, заставившему его преодолеть растерянность и страх, Лобников подошел к Капустину.

Капустин лежал в центре большой лужи.

Наверное, выражение лица Андрея можно было назвать безмятежно-радостным, если бы не темно-бордовая точка над правой бровью.

Эта маленькая метка смерти породила в сознании Лобникова лишь одну мысль: «Бежать отсюда, и как можно быстрее!»

Валерий, развернувшись, бросился к своему автомобилю и вскоре уже мчался по улице, сам не зная куда.

Достаточно далеко отъехав от места убийства, он наконец сбавил скорость и остановил машину на одной из тихих городских улочек.

Еще пребывая в шоке от случившегося, Лобников принялся лихорадочно осмысливать события последних дней.

Главным вопросом, интересовавшим Лобникова, был: «За что они убили Капустина?»

Впрочем, по мере того, как он все больше приходил в себя и успокаивался, ответ на этот вопрос становился все более очевидным: судя по всему, шел последовательный отстрел ближайших сторонников президента нефтяной компании «Аркада» Олега Сатарова.

Андрей Капустин, Алексей Петров и сам Лобников входили в так называемую финансовую группу Сатарова, то есть были особо приближенными к нему людьми, обеспечивающие движение финансовых потоков.

Именно они курировали сеть предприятий, расположенных в офшорных зонах, через которые проходили деньги нефтяной компании «Аркада».

В том, что Алексей Петров убит, Лобников уже несколько не сомневался, как не сомневался он и в том, что следующая очередь будет его – Лобникова. Очевидно было и то, что все эти убийства были выгодны лишь одному человеку – Сатарову.

«Похоже, дела пошли действительно худо, раз Олег решил избавиться от ненужных свидетелей, – подумал про себя Лобников, нервно закуривая сигарету. – Эх, Олег, Олег, как был ты бандитом, так им и остался. Никакие высокие должности тебя не изменили. Похоже, и на тебя круто наехали, раз ты решился на такое... Но, слава богу, у меня еще есть время позаботиться о своей безопасности и безопасности моей семьи».

Валерий достал из кармана мобильник.

– Оленька, это я, ты меня слышишь?! – прокричал он в трубку, едва услышав голос жены.

– Слышу тебя прекрасно, дорогой, – ответила та. – Когда ты, наконец, появишься дома?

– Сегодня не появлюсь, – решительно заявил Лобников.

– Не поняла. У тебя что, снова возникла производственная необходимость?.. – в голосе супруги послышались металлические нотки.

– Послушай меня внимательно. Ты сейчас же соберешь все необходимые вещи, возьмешь всю находящуюся в доме наличность, а также драгоценности и вместе с Машкой быстро уедете оттуда, – отчеканил Валерий.

– Это что еще за новости? – спросила жена. – Да что у вас там, в конце концов, происходит? Куда и с какой стати я должна сейчас уезжать, да еще тащить с собой Машку, если она уже ложится спать?

– Делай, что тебе говорят, и как можно быстрее! – не выдержав, заорал на жену Лобников, но затем уже спокойным тоном добавил: – Только что на моих глазах убили Андрея Капустина. Скорее всего Леха Петров тоже уже покойник.

– Боже мой! – только и смогла вымолвить пораженная Ольга.

Но Валерий не позволил ей тратить время на переживания:

– Я не хочу быть следующим в этом списке, поэтому мы срочно сваливаем из города.

– Куда я должна ехать? – спросила Ольга.

– Заправишь полный бак и сразу же езжай к своей тетке в Кировск. Думаю, что к утру даже по такой трассе ты вполне можешь туда добраться. До обеда отдохни, и если я к этому времени не подъеду, то отправляйся дальше в Москву... Помнишь моего старого приятеля Лешу Хворостенко, художника? Мы с тобой были у него в гостях два года назад...

– Да, конечно, – ответила Ольга, – но я не помню его адреса.

– У меня в записной книжке есть его телефон. Позвони ему и попросись пожить у него несколько дней. Я уверен, что он не откажет. За это время я или сам подъеду или дам о себе знать. Ты все поняла?

– Да, – ответила Ольга и тут же спросила: – А где же будешь ты? Я очень волнуюсь за тебя.

– Не беспокойся, – улыбнувшись, ответил Лобников. – Я в безопасности, главное, чтобы с вами ничего не случилось.

– Я сделаю все, как ты сказал, – ответила Ольга.

– В таком случае прощай, дорогая. Надеюсь, что мы скоро увидимся.

Докурив сигарету, он швырнул ее в приоткрытое окошко автомобиля.

– Ну что ж, пора и мне позаботиться о сохранности кое-каких документов. Наверняка именно эти бумажки явились причиной смерти Петрова и Капустина. Надо сделать так, чтобы именно они стали залогом моей безопасности и очень неприятным сюрпризом для Сатарова и его головорезов, – произнес Лобников вслух.

Он запустил двигатель и тронул машину с места. На сей раз его путь лежал в другой район города.

Месяц назад Лобников снял двухкомнатную квартиру в девятиэтажном кирпичном доме на улице Мясницкой. Он периодически снимал в городе квартиры, в которых время от времени встречался со своими подругами.

Когда очередной роман заканчивался, он оставлял жить пассию в арендованной квартире, оплатив проживание за несколько месяцев вперед. С появлением новой подруги появлялась и новая арендованная квартира.

Но жилплощадь на улице Мясницкой Валерий снял не для любовных утех.

На эту квартиру он перевез все секретные документы по сделкам, связанным с переводом денег в офшорные зоны. Он перевез их по указанию Капустина, дабы они не попали в руки проверяющих.

Однако теперь эти документы нужно было спрятать от самого Сатарова, хотя в значительной степени хранителем многих тайн являлся сам Лобников.

Схватив с заднего сиденья кожаный дипломат, Лобников вылез из машины и стремительно направился к дверям подъезда.

Дом, в котором он снимал квартиру, был новым и считался элитным, поэтому двери подъездов были оборудованы не только кодовым замком, но и домофоном.

Нажав условный код, Лобников прошел в подъезд и уже через несколько секунд вышел из лифта на седьмом этаже. Пройдя по длинному, пустому коридору, он остановился у металлической двери и быстро отпер ее.

Арендованная квартира была скудно обставлена мебелью. В одной из двух просторных комнат стоял большой письменный стол. Здесь же был маленький диван и длинный пустой сервант. Эта комната считалась кабинетом.

Во второй комнате, которая служила спальней, располагались лишь широкая двухспальная кровать и платяной шкаф.

Лобников сразу прошел в кабинет, достал из нижней секции серванта большую картонную коробку, до отказа набитую папками с документами, и поставил ее на стол.

Затем снял с себя плащ, швырнул его на диван и, вернувшись к столу, уселся в кресло и закурил.

Впереди у него была целая ночь, за это время ему предстояло рассортировать документы, часть из которых он собирался взять с собой, часть оставить здесь.

Рано утром необходимо было заехать в Губернский торговый банк, где у него в депозитарии хранилась еще одна папка с документами, касающимися его коммерческой деятельности.

Это были особо важные документы, которые он должен был уничтожить еще давно, но не сделал этого.

Лобников прекрасно понимал, что его высокодоходным бизнесом рано или поздно заинтересуются правоохранительные органы.

Не исключал Валерий и того, что в этой ситуации такой человек, как Сатаров, вполне может его подставить. Именно поэтому Лобников запасся документами, которые могли хоть как-то гарантировать его безопасность.

Выросший во вполне благополучной и состоятельной семье, Лобников не испытывал каких-либо проблем на своем жизненном поприще. Отец его работал главным инженером на одном из военных заводов. Мать всю жизнь проработала в школе, выйдя на пенсию в должности завуча.

Сам Валерий окончил школу с золотой медалью и легко поступил в университет на мехмат, но уже во время учебы точно знал, что работать математиком не будет. Вместе с группой своих друзей по университету он активно занялся бизнесом.

Предприимчивый и коммуникабельный Лобников довольно быстро преуспел на этой стезе, чему в немалой степени способствовали обширные связи его отца.

Занимаясь многочисленными посредническими операциями, удельный вес которых был очень велик в нарождающемся российском бизнесе, Лобников заработал приличный капитал и приобрел некоторую известность в предпринимательской сфере. Вот тогда-то и заметил его молодой, но довольно известный в городе авторитет – Олег Сатаров.

Человек неглупый и амбициозный, Сатаров не стал банально и грубо наезжать на Лобникова. Формально он предложил ему сотрудничество в обмен на обеспечение безопасности самого Лобникова и его бизнеса.

Все годы работы с Сатаровым Лобников наблюдал, что путь молодого криминального лидера к успеху усеян не только «розами», но и кровавыми следами.

Но напрямую это Лобникова не касалось, и он старался не думать об этом, занимаясь своим непосредственным бизнесом. Делать это ему было нетрудно, поскольку его авторитет и состояние росли вместе с авторитетом самого Сатарова.

Возможно, именно поэтому Лобников никогда всерьез не задумывался над тем, что в случае непосредственной угрозы для себя Сатаров может физически устранить и самого Валерия.

Оторвавшись от тяжелых воспоминаний, Валерий бросил взгляд на стоящую на столе в рамочке фотографию жены и дочери. На самом деле Лобников никогда не был хорошим семьянином.

Являясь полноправным членом молодой бизнес-братии, он не раз вместе со своими приятелями проводил досуг в веселой компании девиц легкого поведения.

Кроме того, у Лобникова постоянно имелись любовницы-содержанки.

Фотографию же семьи Лобников поставил на свой рабочий стол, повинуясь новой моде, которой следовали многие из его друзей-бизнесменов, побывавших на Западе и лично наблюдавших на столах своих иностранных партнеров подобные знаки добропорядочности и социальной устроенности.

Однако по мере того, как росла дочь Маша, которой совсем недавно исполнилось пять лет, Лобников стал ловить себя на том, что ее веселая мордашка, смотрящая с фотографии, доставляет ему особый душевный комфорт. Он менял ее фотографии почти каждые полгода.

Дочь являлась, пожалуй, единственным человеком, к которому немного уставший и пресыщенный жизнью Лобников чувствовал настоящую привязанность.

Возможно, поэтому у Валерия наладились отношения с женой Ольгой. Последний год все меньше и меньше времени Валерий проводил с семьей. Их брак с Ольгой, который многим казался уже обреченным на разрыв, все же выдержал испытание на прочность.

Теперь же, переживая, пожалуй, самый серьезный жизненный кризис, Валерий явственно осознал, что семья является главной ценностью и опорой.

«Черт с ним, с этим бизнесом, денег у меня достаточно, чтобы прожить безбедно где-нибудь в тихом курортном городке. Когда-нибудь здесь все утрясется, и они смогут вернуться. Но сейчас главное – поскорее унести отсюда ноги».

Валерий загасил в пепельнице сигарету и достал из картонной коробки первую папку с документами.

Однако едва он раскрыл папку, как в комнате послышалась приглушенная трель мобильного.

«Не брать трубку и отключить сотовый к чертовой матери» – это было первое, о чем подумал Лобников.

Однако через несколько секунд он изменил свое решение, так как могла звонить Ольга, да и, в конце концов, он ничем не рискует, разговаривая по мобильнику, ведь люди Сатарова не знают, где он находится.

– Слушаю вас, – произнес в трубку Лобников.

– Добрый вечер, Валерий, – послышался ровный мужской голос.

– Кто это? – удивился Валерий, поскольку голос ему показался незнакомым.

– Это неважно, – ответил мужчина, – я действую по поручению Олега.

– Сатарова? – машинально уточнил Лобников.

– Разумеется, Сатарова, – подтвердил незнакомец. – Олег просил передать вам, чтобы вы отдали все документы по деятельности ваших фирм. Вас предупредили, что вы должны их изъять.

– Да, я так и сделал, – подтвердил Лобников, – пусть Олег не беспокоится, я сделал все, как надо.

– Как надо – это когда вы передадите документы нам, – более жестким тоном произнес незнакомец, – получив документы, мы сами их уничтожим.

– Я передам вам эти документы завтра утром, – ответил Лобников, стараясь говорить спокойно.

– Эти документы нужны нам сейчас и немедленно, – услышал он в ответ.

– Но сейчас уже ночь.

– Это не имеет никакого значения. Скажите, где вы находитесь, мы приедем и заберем их, – продолжал настаивать незнакомец.

После этой фразы собеседника у Лобникова не осталось никаких сомнений в том, что человека, говорящего с ним по телефону, интересуют не столько сами документы, сколько местонахождение самого Лобникова. Ведь далеко не факт, что там, где находится сейчас Валерий, непременно находятся и интересующие этих людей документы.

– Хорошо, – быстро согласился Лобников. – Приезжайте в ночной клуб «Якорная цепь», я буду вас там ждать. Сообщите вахтеру о своем приезде, и вас проведут ко мне в номер.

В ответ собеседник ничего не сказал. Он молчал достаточно долго для того, чтобы Валерий подумал о том, что разговор закончен.

Однако в следующий момент неожиданно для Валерия в трубке послышался яростный крик:

– Слушай, ты, сучоныш, не вздумай со мной в кошки-мышки играть! Ты у меня, падла, на таком крючке сидишь – не то что рыпнуться, даже пикнуть не сможешь...

– О чем вы говорите? – пораженный услышанным, спросил Лобников.

– О чем? – злорадно повторил незнакомец. – Сейчас ты поймешь о чем...

Из трубки после паузы донесся взволнованный голос Ольги:

– Валера... Нас схватили у самого входа... Я никого из них не знаю. Они говорят, что им нужен ты. Они утверждают, что ты им что-то должен, – далее голос Ольги сорвался на умоляющий крик: – Валера, я прошу тебя, отдай им все, что они хотят! Они угрожают нам расправой!

– Где Машка?! Она с тобой?! Что с ней?! – прокричал Лобников.

– Да. Она здесь, со мной, – ответила Ольга. – Эти люди сказали, что если ты не отдашь им то, что должен, то они...

Ольга не договорила, заплавав. В этот момент трубку у нее отняли, и до слуха Валерия снова донесся спокойный ровный голос незнакомца. Валерия поразило, насколько хорошо владеет собой этот человек, который только что кричал на него, оскорбляя и угрожая.

– Слушай меня внимательно, Валера, – произнес мужчина. – Сейчас ты мне скажешь адрес, по которому находишься, и будешь ждать нас, пока мы к тебе не приедем. Передашь нам документы, после этого твоя жена и дочь будут отпущены. Забирай их и сваливай из города куда-нибудь подальше – так распорядился Сатаров... Если же ты вздумаешь смотаться, то и тебе и твоей жене с дочерью я не завидую... Мы их по частям разошлем твоим родственникам...

В трубке снова воцарилась тишина, которую незнакомец снова прервал через несколько секунд:

– Если ты мне не веришь, Валера, я могу прямо сейчас доказать тебе, что это не пустые слова... Гриня, ну-ка подтащи сюда девчонку...

Лобников услышал в трубке пронзительный детский крик и, словно обезумевший, сам заорал в трубку:

– Не-ет!! Слышишь?! Нет, не трогай ее! Я никуда не уеду, я буду вас ждать.

– Ну, вот и хорошо, – снова ровным спокойным голосом ответил бандит, – называй адрес... Я говорю об адресе того места, где ты на самом деле сейчас находишься, а не о той туфте, которую ты нам только что задвигал...

Лобников машинально продиктовал адрес квартиры, где он находился.

– Отлично, мы приедем примерно через час, – ответил бандит и отключил связь.

В трубке послышались короткие гудки, но Валерий не слышал их. В этот момент он явственно осознал, что он почти уже покойник. Это было странное чувство – он мог дышать, ходить, курить, он мог даже уйти из квартиры, но при этом он четко осознавал, что жить ему осталось считанные минуты и его ждет такая же участь, как и Капустина.

Еще пять минут назад он думал, что ему повезло и смерть Андрея Капустина послужила своеобразным предупреждением о нависшей угрозе.

Но все оказалось наоборот. Бандиты Сатарова действовали проворнее, чем он предполагал, и сумели предугадать планы Лобникова и расстроить их.

Заплетающейся походкой Валерий подошел к столу и грузно плюхнулся в кресло.

«Мне осталось жить не больше часа», – эта мысль крутилась в голове Валерия, нагоняя на него все больше страха и ужаса.

Он с тоской во взгляде посмотрел на фотографию жены и дочери. В глазах жены читался какой-то скрытый упрек.

Однако выражение лица Машки было по-прежнему веселым и безмятежным.

Глядя на лицо своей дочери, Лобников твердо понял, что он и шагу не сможет ступить из этой квартиры. Он останется здесь, дожидаясь своих убийц.

Несмотря на то что это решение потребовало немало мужества, нервы Лобникова не выдержали. Он судорожно сжал подлокотники кресла, так что костяшки его пальцев побелели, и, закрыв глаза, тихо, почти беззвучно заплакал.

* * *

Из состояния прострации его снова вывел телефонный звонок.

Он открыл глаза и посмотрел на мобильник.

«Ну вот и все, – подумал Валерий, – похоже, они приехали».

Он медленно взял трубку и так же медленно поднес ее к уху:

– Я слушаю, – пробормотал он.

– Здравствуй, Валерий, – послышалось на другом конце. – Ты все еще на месте? Признаться, я был почти уверен, что ты сбежишь.

Голос говорившего с ним мужчины показался Лобникову знакомым.

– Кто это говорит? – переспросил Валерий.

– Не узнал меня? – усмехнулся собеседник. – Впрочем, в твоем состоянии это немудрено. Ладно, сиди на месте, я сейчас поднимусь, и мы с тобой поговорим... Только учти сразу – давай обойдемся без фокусов, не усложняя жизнь ни себе, ни мне.

Разговор был уже закончен, а Лобников все еще пытался вспомнить, кому именно принадлежал этот хриловатый ровный баритон.

Время тянулось так медленно, что Лобникову показалось, что прошло не меньше десяти минут. На самом деле прошло не больше минуты, когда до слуха Валерия донесся звук открывающихся дверей лифта. Еще через несколько секунд, к его удивлению, замок едва слышно звякнул, и дверь отворилась.

В коротком коридоре слышались медленные шаги, и вскоре в дверном проеме появилась фигура мужчины, одетого в темные джинсы и черную кожаную куртку.

Это был крепко сбитый, широкоплечий мужчина среднего роста. Пришелец шагнул из темного коридора в слабо освещенную комнату, где Лобников смог получше разглядеть его лицо.

– Владимир? Полуниин?! – наконец в изумлении произнес Лобников.

– Можешь в этом не сомневаться, – усмехнулся мужчина, вплотную подходя к столу.

Но Лобников и не сомневался, он лишь пристально вглядывался в лицо Полунина, пытаясь отыскать в нем какие-то перемены.

За полтора года, прошедшие со дня их последней встречи, тот мало изменился. Почти полностью седые волосы, за которые он получил кличку Седой, были коротко подстрижены, большие темные глаза, выделявшиеся на бледном лице, глядели цепко, внимательно и немного насмешливо.

Пожалуй, изменилось лишь общее выражение лица, оно носило печать сильной усталости и одновременно твердой решимости, как у человека, начавшего большое трудное дело и решившего довести его до конца.

– Как ты сюда вошел? – удивленно спросил Лобников. – Разве дверь была незаперта?

В ответ Владимир лишь усмехнулся.

– Нет, дверь была закрыта на замок, – произнес он. – Похоже, ты забыл, с кем имеешь дело. Ведь я же уголовник, вор. Вскрывать чужие замки – это одна из моих специальностей. А тот, что врезан в твою дверь, – не слишком серьезная для меня задача. Тебя, Валера, обманули, когда заверяли в его надежности.

– У тебя так много ипостасей, что я вполне мог забыть одну из них, – угрюмо произнес Лобников. – Ты был зеком, потом занимался бизнесом, чинил и продавал автомобили, ходили слухи, что ты и воровал их слегка. Потом ты неожиданно стал хозяином одного из крупнейших городских предприятий, о тебе всегда ходила слава, что ты один из местных криминальных авторитетов, а потом ты стал обычным беглецом. Многие думали, что тебя даже нет в живых, и вот ты снова появился в наших краях... Теперь уже в роли киллера...

Валерий исподлобья посмотрел на стоящего перед ним Полунина и неожиданно, слегка подавшись вперед, с яростью в голосе произнес:

– Ведь это Сатаров приказал тебе меня убить?

Заметив движение Лобникова, Полунин мгновенно сунул руку за спину и, выхватив спрятанный за поясом бренок пистолет «ТТ», нацелил его в лицо визави.

– Сиди, не дергайся! – прикрикнул он на Лобникова. – Я же предупреждал, чтобы без фокусов.

Заметив оружие в руках Полунина, Лобников интуитивно подался назад, продолжая при этом с ненавистью смотреть на Владимира.

Увидев, что Лобников сел на место и не проявляет больше признаков агрессивности, Полунин убрал пистолет обратно за пояс и сказал:

– Ты плохо меня знаешь, Валера. Дело в том, что меня уже давно никто никуда не посылает. Последний раз такое случилось много лет назад, когда суд определил меня на лесоповал в эти края. С тех самых пор я сам принимаю решения, куда мне идти и что делать.

– Врешь ты все, сука, – прошипел Лобников. – Это вы с твоими друзьями по приказу Сатарова взяли в заложники мою семью. Тебе ведь как никому другому известна моя слабая сторона. Ведь ты сам когда-то потерял семью и теперь готов проделывать подобное с кем угодно...

– Заткнись, придурок, – грубо оборвал его Полунин. – Ты, похоже, сбрендил от своих переживаний, раз решил, что я выполняю заказ Сатарова.

– А что, разве это не так? – с усмешкой переспросил Лобников.

– Ты, Валера, из меня какого-то черта лепишь, – произнес Полунин, присаживаясь на угол стола. – Во-первых, мокрушником я никогда не был и никогда их не уважал, а во-вторых, мне и в голову не могло прийти брать в заложники твою жену и малолетнюю дочь. И уж совсем надо быть идиотом, чтобы предположить, что я работаю на Сатарова. Думаю, что Олег заплатил бы дорогую цену, чтобы мой труп вместе с твоим скинули сегодня в реку с грузом на шее.

– Так, значит, пленение моей семьи не твоих рук дело, – пораженный услышанным, воскликнул Лобников.

– Еще раз тебе повторяю – нет, – устало заявил Полунин.

Валерий несколько минут молчал, осмысливая полученную информацию. Затем спросил с недоверием в голосе:

– В таком случае откуда ты знаешь, что мою семью захватили в заложники? Откуда ты вообще узнал о моем местонахождении и о том, что я сейчас жду гостей?

Владимир снова усмехнулся, глядя на недоуменное лицо Лобникова:

– Ну, кое о чем ты мне сам рассказал, например, что случилось с твоей семьей, и том, что ты ждешь гостей, тоже можно было догадаться. Что касается твоего местонахождения...

Полунин замолчал, на секунду задумавшись, затем продолжил:

– Впрочем, не буду тебя томить...

Неожиданно для Лобникова Владимир взял левой рукой настольную лампу и, приподняв ее над столом, показал Валерию низ подставки. Там в небольшой ложбинке был прикреплен к «подошве» лампы небольшой, черного цвета микрофон, по размеру не больше обычной пуговицы.

– Я следил за тобой, – прокомментировал свои действия Полунин.

– Следил за мной... – машинально повторил за Полуниным Лобников, глядя изумленным взглядом на лампу в руках Полунина. – Зачем? Чего ты добиваешься? Что тебе от меня нужно?

– На эти вопросы не так-то легко ответить, – сказал Полунин, ставя лампу на место. – Самое простое, что мне от тебя надо, – вот эти документы, – Владимир кивнул на коробку, в которой лежали папки с бумагами. – Полагаю, что в ближайшее время за ними в городе будет развернута самая настоящая охота.

Владимир взял одну папку из картонной коробки. Раскрыв ее, он прочел вслух:

– «Подшивка платежных поручений за май месяц по фирме „Ромакс“».

Он полистал документы.

– Да, немалые суммы здесь фигурируют. Судя по всему, именно эти деньги уходили на оплату фальшивых счетов за границу, а затем растворялись в офшорных зонах, оседая уже на реальных счетах... Именных счетах, – добавил Полунин.

– На кого ты работаешь? – пристально глядя на Полунина, спросил Лобников.

– Думаю, что ответ на твой вопрос интересует очень многих, – усмехнулся Полунин. – Но тебе, Валера, я скажу откровенно, ответить на этот вопрос очень просто – я работаю на себя, и эти документы нужны прежде всего мне самому.

Валерий исподлобья смотрел на Полунина и молча слушал. Когда тот закончил говорить, Лобников твердо произнес:

– Я не могу отдать тебе эти документы.

Полунин усмехнулся, вынул из кармана пачку сигарет и зажигалку, неспешно прикурил и, выпустив струю дыма в лицо Лобникова, ответил:

– К сожалению, ты теперь не волен решать этот вопрос. Все документы я заберу с собой. Они тебе больше не понадобятся.

– А я говорю – нет! – заорал Лобников. – За этими бумажками придут люди, которым я их и отдам, и ты не сможешь помешать мне это сделать!

После этих слов Лобников бросился на сидящего к нему боком Полунина и ухватился за лацканы его кожаной куртки, намереваясь свалить того на пол.

Но Полунин, видимо, ожидал этого броска и, перехватив его руку, так ловко выкрутил ее, что Валерий распластался перед ним на столе в неудобной позе, лицом вниз.

– Вот черт, – усмехнулся Полунин. – Никогда не видел, чтобы люди так яростно отстаивали интересы своих же убийц.

После чего Полунин, отпустив руку Лобникова, схватил его за воротник плаща и за ремень брюк и рывком выволок из-за стола. Протащив вяло сопротивляющегося Лобникова по всей комнате, он швырнул его на диван, стоявший напротив стола.

– Если ты еще раз дернешься, придурок, то я вынужден буду тебя связать, – решительно предупредил Полунин Лобникова, ткнув в его сторону двумя пальцами с зажатой между ними сигаретой, которую он не выпускал изо рта во время борьбы.

– Лучше убей меня, – устало, с надломом в голосе промямлил Лобников. – Потому что если эти люди, которые скоро придут сюда, не получают того, чего они хотят, они расправятся с моей семьей...

Лобников бросил ненавидящий взгляд на стоящего перед ним Полунина и добавил:

– Впрочем, тебе ведь все равно. Ты хочешь, чтобы я испытал то, что когда-то произошло с тобой и твоей семьей.

Едва заметная усмешка, блуждавшая по лицу Полунина, мгновенно исчезла после этих слов. Скулы его заиграли, в глазах вспыхнула ярость.

– Ну и дурак же ты, Валера, если всерьез считаешь, что, отдав документы этим отморозам, ты спасешь свою семью, – резко заявил он. – Эти ребята не любят оставлять свидетелей.

Он глубоко затянулся сигаретой, помолчал и уже более спокойным тоном продолжил:

– Похоже, ты не до конца понимаешь, с кем имеешь дело и в какую ситуацию попал. Глупо рассчитывать на сочувствие и жалость людей, на которых тоже открыта охота. Чтобы отмазаться, они пойдут на все.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Я хочу сказать только то, что когда на кону стоят такие бабки, то игра принимает совсем другой оборот, – раздраженно произнес Полунин. – Побеждает тот, кто остался жив. В такой ситуации уже не до сантиментов.

– Что же мне теперь делать? – растерянno спросил Валерий.

Он вдруг неожиданно для себя почувствовал, что в лице Полунина он приобрел скорее союзника, чем врага. Что-то в поведении Владимира подсказывало ему, что с появлением этого неожиданного гостя у него появился шанс спасти своих близких.

– Что делать? – переспросил Полунин и, как-то неопределенно пожав плечами, ответил словно самому себе: – Будем ждать прихода гостей.

– Зачем? – спросил Лобников.

– Что – зачем? – недоуменно переспросил Владимир.

– Для чего буду ждать я – это понятно, – ответил Лобников. – А зачем они нужны тебе?

Полунин молча развернулся и, вернувшись к столу, уселся в кресло, в котором только что сидел Лобников. Потом он вынул из-за пояса брюк пистолет, положив его перед собой на стол. Оружие гулко звякнуло о полировку стола.

– У меня есть к ним разговор, – ответил Полунин, откинувшись на спинку кресла.

Лобников бросил выразительный взгляд на пистолет, потом перевел его на Полунина.

– Оружие нужно тебе для разговора? – с легкой усмешкой спросил Валерий.

– Я собираюсь говорить с ними на понятном для них языке. В противном случае результат этого разговора будет не в нашу пользу, – угрюмо пояснил Полунин.

Лобников нервно вздохнул, бросил взгляд на наручные часы и, достав из кармана пачку сигарет, раскурил одну из них трясущимися руками.

Полунин наблюдал за ним.

– Тяжелый выдался у тебя день, – прокомментировал он. – Такие дни вспоминаешь всю оставшуюся жизнь.

– Не думаю, что у меня будет такая возможность, – устало огрызнулся тот.

– У меня таких дней в жизни было немало, – произнес Полунин, не обращая внимания на реплику Лобникова. – Полтора года назад, в один из таких дней, моя жизнь снова круто изменилась. В тот момент мне казалось, что у меня есть все – семья, работа, деньги. И все это благополучие рухнуло в один момент. Я лишился всего и стал гонимым бродягой, живущим под чужим именем.

Полунин замолчал и посмотрел на коробку с документами, стоящую перед ним на столе.

– Ты знаешь, я иногда задумываюсь, – продолжал он, глядя на документы. – Где и когда я совершил эту ошибку, которая стала для меня роковой? Может, когда я ввязался в это дело и решил стать совладельцем завода «Нефтьоргсинтез», вторгнувшись в сферу деятельности, запретную для таких, как я... А может быть, тогда, когда я, отказавшись кинуть своих партнеров по бизнесу, сам, в свою очередь, необдуманно положился на их порядочность и проиграл... Наверно, это судьба русского человека – платить за свои ошибки самую дорогую цену?

Полунин снова замолчал.

Его задумчивый взгляд сделался немного рассеянным, словно он сквозь толщу времени снова и снова пытался отыскать и осмыслить допущенные роковые ошибки, приведшие к трагическим для него последствиям.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полунин не раз вспоминал тот вечер воскресного дня, когда к нему домой заявился его друг и партнер по бизнесу – Антон Сеницын по прозвищу Самбист...

Антон являлся лидером одной крупной рэкетирской бригады города.

Несмотря на то что сам Полунин к криминальному бизнесу Самбиста прямого отношения не имел, они все же сотрудничали, будучи компаньонами по ряду коммерческих проектов, поскольку помимо незаконного бизнеса занимались и легальным предпринимательством.

Основным же бизнесом Полунина последние десять лет был угон и продажа автомобилей. Он занимался этим под прикрытием своего легального бизнеса: Полунин был владельцем крупной станции техобслуживания автомобилей, ему также принадлежал автосалон по продаже новых и подержанных машин.

Однако связывало Полунина и Сеницына не только то, что у обоих были проблемы с законом, – Полунин был другом и главным советчиком Самбиста. Фактически без рекомендаций Полунина Самбист не принимал ни одного какого-либо значимого решения.

Полунин был старше Сеницына на десять лет и имел гораздо больший жизненный опыт, приобретенный в том числе в местах лишения свободы. К тому же у Полунина были неплохие связи как в Администрации города, так и в правоохранительных органах.

Таким образом, их сотрудничество было взаимовыгодным. У бизнесмена Полунина никогда не возникали проблемы с местным криминалитетом, так как все знали, что за его спиной стоит мощная группировка, состоящая из братьев Самбиста.

В свою очередь, Сеницын, имея столь авторитетного советчика и партнера, умелыми и аккуратными ходами сильно расширил сферу своего влияния в городе.

Полунин пользовался авторитетом и среди городской братвы как человек рассудительный и умеющий найти компромисс в самых сложных разборках.

Поэтому «криминалы» не раз приглашали Полунина для решения возникших между ними противоречий в качестве третейского судьи.

Ко всему прочему Полунин и Сеницын были попросту соседями, оба жили в одном доме в соседних подъездах, и Антон часто заходил в семью Полуниных просто в гости скоротать время.

...В тот июльский вечер Сеницын появился в квартире Полунина около шести часов вечера, держа в руке пластиковый пакет, в котором лежали несколько банок пива и легкая закуска к нему.

Оба друга, как правило, крепче пива ничего не употребляли.

Полунин долгое время страдал болезнью желудка и практически не притрагивался к алкоголю.

Антон Сеницын – бывший спортсмен, мастер спорта по самбо, за что он и получил свою кличку, также старался вести трезвый образ жизни и спиртным не злоупотреблял. При этом он поддерживал в своей бригаде железную дисциплину, требуя от своих людей того же.

– Здорово, Иваныч, – весело поприветствовал Сеницын хозяина, открывшего ему дверь. – Давай побалуемся пивком, а заодно и дельце одно обсудим.

– Проходи на кухню, – пригласил Полунин. – Я один дома, жена с ребенком гулять ушли.

– А ты чего с ними не пошел? – спросил Антон, проходя на кухню и начиная выкладывать содержимое пакета на кухонный стол.

– Неохота, – отмахнулся Владимир. – За последние месяцы, что я дома сижу, как-то привык уже к этому, даже нравится.

– Смотри, Иваныч, совсем обленишься скоро, домоседом заделаешься, – усмехнулся Самбист, доставая из шкафа стеклянные стаканы.

– А я, Антоша, немало на своем веку набродяжничался, – грустно улыбнулся Полунин. – Можно уже и дома посидеть, к тому же жена очень даже этому рада.

– Ну еще бы, – подтвердил Самбист. – Когда ты прошлой осенью уехал в свои родные места, так сказать, молодость вспомнить да обидчикам отомстить, она уж и не чаяла тебя обратно дожидаться. Я тоже думал, что ты живым сюда уже не вернешься, особенно когда сюда позвонил Шакирыч и сообщил, что ты в больнице на операционном столе лежишь... Я ведь не раз твоей супруге предлагал в тот момент свою помощь. Думал, соберу братков и пошлю в этот долбаный Тарасов тебе на выручку... Но она отказалась. Говорила, что не знает этот город и что это, мол, твое дело и вмешиваться нам не стоит. Твердая она у тебя женщина.

– Она и в самом деле точно не знала, где я и чем занимаюсь, – ответил Полунин, усаживаясь в кресло рядом с кухонным столом.

Он был одет в легкий спортивный костюм, свободно облежавший его крепкую, хотя и сильно похудевшую после болезни фигуру.

Синицын вскрыл банку пива «Хольстен» и, разлив его по стаканам, уселся рядом с Полуниним.

В этот момент замок входной двери щелкнул, возвещая о приходе хозяйки и малолетнего сына Полунина.

Первым на кухню вбежал шестилетний сын и сразу же кинулся к Синицыну:

– Привет, дядя Антон, – решительно протянул руку для рукопожатия мальчишка.

– Здорово, тезка, – поздоровался Синицын и, сграбастав своими большими ручищами сына Полунина в охапку, посадил его к себе на колено.

– Ты что-то плохо растешь у нас? – улыбнувшись, произнес Синицын. – Я тут решил подкормить тебя и принес небольшой продпаек.

Он достал из пакета большую плитку шоколада и вручил ее маленькому Антону.

– На, жуй, – заявил Синицын. – Здесь и белки, и углеводы. Вырастешь таким же высоким и здоровым, как я.

Сам Синицын был ростом под два метра и весил никак не меньше ста килограммов.

В кухню вошла супруга Полунина Анна, невысокая, стройная, темноволосая женщина. Она была ровесница Синицына: не так давно ей исполнилось двадцать шесть лет.

– Здравствуй, Антон, – улыбнувшись Синицыну, поздоровалась Анна. – Это, случаем, не твой хромированный монстр стоит сейчас у подъезда?

Лицо Синицына расплылось в довольной улыбке.

– Мой, – пожав плечами, ответил он и, посмотрев на Полунина, пояснил: – Я позавчера джип прикупил новый.

– Да ну? – удивился Полунин. – Ты ведь совсем недавно еще на «Вольво» разъезжал, тоже далеко не старая была тачка.

– Ты же знаешь, Иваныч, машины моя слабость. Давно себе хотел джип взять, а тут как раз в город классную тачку пригнали – «Мицубиси-Паджеро» малинового цвета, – добавил Синицын, сияя улыбкой.

– Наверное, как твое лицо сейчас, – усмехнулся Полунин. – Ты это дело хотел обмыть, что ли?

– Кстати, и это тоже, – сказал Синицын, поднимая стакан с пивом.

– Ну что ж, давай в таком случае выпьем за пятую по счету машину в коллекции Антона Синицына.

Они сделали по большому глотку, сынишка Полунина спросил:

– Папа, а почему ты не купишь себе такой большой джип?

В ответ Полунин улыбнулся сыну и произнес:

– У меня, сынок, и рост и вес гораздо меньше, чем у дяди Антона, и поэтому я легко помещаюсь в свой «БМВ».

– Ничего, Антоша, я тебя на своем джипе катать буду, – подбодрил мальчишку Синицын. – Посажу тебя на колени, будешь сам рулить.

– Нам с сыном можно остаться, или вы о делах говорить собираетесь? – спросила Анна у мужчин.

– О делах мы еще успеем поговорить, – весело ответил Самбист, – так что присаживайся к нам, Анюта, пива я много принес.

Они просидели так, разговаривая ни о чем, до вечера. При этом оживленнее всех смеялась и говорила Анна. У Полуниных нечасто бывали гости, в силу того, что хозяин дома был не очень общительным человеком. Как правило, заходили лишь близкие друзья Владимира. Их редким визитам Анна всегда была очень рада.

Полунин понимал, что она еще очень молодая женщина и ей необходим круг общения, который он ей обеспечить не мог то в силу своей занятости, то по причине своей нелюдимости.

Визиты Самбиста, их пивные посиделки были развлечением не только для Владимира, но и для его жены.

Когда поздно вечером Синицын собрался домой, Полунин напомнил ему:

– Что же это за дело, о котором ты собирался со мной поговорить?

– Ах да, – спохватился Синицын. – Собственно, о деле я собирался поговорить завтра. У меня на шесть вечера в нашем спортзале с одним чуваком стрелка забита. Я хочу, чтобы и ты присутствовал.

– Кто он, этот чувак? И зачем я вам нужен?

– Понимаешь, тут одно крупное дельце намечается, – пояснил Антон. – А ты у нас голова светлая, всегда подскажешь что-нибудь толковое.

– Не тяни, – поморщился Полунин. – Говори конкретно, что за дело?

– В общем, у меня появился прихват на заводе «Нефтьоргсинтез». Надо обдумать, как его можно использовать, чтобы бабки срубить. Есть разные варианты. Надо посидеть, поговорить, обмозговать.

– А этот мужик, с которым ты забил стрелку, и есть твой прихват? – спросил Полунин.

– Угу, – кивнул головой Синицын. – Ты правильно угадал. Мужик он толковый, я тебя завтра с ним познакомлю. Придешь?

– Почему бы и не прийти, – пожал плечами Полунин. – С умными людьми всегда приятно. Глядишь, может, и будет какая-нибудь польза.

– Ну, тогда завтра в шесть вечера в «качалке» на Динамовской улице, – заключил Самбист, на прощанье пожимая руку Полунина.

* * *

На следующий день, как и договорились, Полунин подъехал на улицу Динамовскую, где на первом этаже пятиэтажного здания располагался спортивный клуб «Зенит», в простонародье именуемый просто «качалка».

Помещение клуба выкупил Антон Синицын при содействии Полунина. Здесь в подвале помещения располагались сауна, комнаты отдыха и бильярдная.

Клуб «Зенит» являлся одной из резиденций Синицына, служившей ему для неформальных встреч. Вместе с Полуниным подъехал сидевший за рулем его ближайший помощник – директор автосалона Вячеслав Болдин, невысокого роста светловолосый улыбчивый парень.

Болдин был полной противоположностью своему шефу. В отличие от спокойного и задумчивого Полунина, к тридцати пяти годам уже слегка уставшего от жизни, Славка в свои двадцать два был оптимистом и неистощимым балагуром.

Но, несмотря на эти качества, Полунин видел в Болдине надежного и преданного ему человека, не раз доказавшего это на деле.

Славка остановил «БМВ» напротив входа в спортзал и посмотрел на вывеску, нарисованную ярко-синей краской на белом фоне, – «Спортивный клуб „Зенит“».

– По-моему, Иваныч, это самое любимое детище нашего Антоши, – заметил Болдин. – В этом, так сказать, офисе он проводит время гораздо охотнее, чем в других своих многочисленных конторах.

– Что поделаешь, – улыбнулся Полунин. – Каждый из нас стремится туда, где он чувствует себя максимально комфортно. Я давно понял, Славик, что люди не меняются. Вот и Самбист, чем бы он ни занимался в дальнейшем, всегда в душе останется Самбистом – парнем, проводившим свою молодость в спортивных залах, и ему всегда будет комфортней среди таких же парней.

– А ты, Иваныч, каким сформировался? – лукаво взглянул на Полунина Болдин.

– Недоверчивым, – коротко ответил Полунин и вылез из машины.

Болдин последовал за Полуниным, они оба поднялись по ступенькам крыльца и вошли в здание клуба.

В небольшом тамбуре за столиком сидел дежурный – молодой парень в трико и майке, обтягивающей его накачанные мышцы.

Дежурный, увидев Полунина и Болдина, почтительно поднявшись, поздоровался:

– Приветствую, Иваныч.

– Здорово, Коля. Антон здесь?

– Здесь, – кивнул головой Николай. – Он вон там, в дальнем конце зала, жим лежа делает, – Николай кивнул в нужном направлении.

Оба гостя вошли в зал и направились к горизонтальной скамье в углу зала, на которой занимался Сеницын. Кроме него, в зале занимались еще человек десять.

Почти всех из них Полунин знал в лицо и по имени, так как последние входили в группировку Самбиста. Все они, заметив Полунина и Болдина, вежливо поздоровались.

Самбист, улегшись спиной на скамью, обитую дерматином, широким хватом ухватившись за гриф штанги, мерными движениями выталкивал ее вверх, затем так же медленно опускал на грудь.

Штанга весила, по прикидкам Полунина, не меньше ста двадцати килограммов, и с каждым жимом Самбисту становилось все тяжелее и тяжелее выталкивать ее наверх.

Наконец с титаническим усилием, покраснев от напряжения, Антон выжал штангу последний раз и, слегка заведя ее за голову, бросил на специальную стойку-упор.

После этого Самбист сел и слегка отрешенным взглядом посмотрел на стоящих перед ним визитеров.

Болдин, скрестив на груди руки и привалившись плечом к стене, скептически наблюдал за стараниями Сеницына. Когда же тот закончил свои манипуляции со штангой, Славка насмешливо спросил:

– Антош, а оно тебе надо? – при этом Славка кивнул на штангу.

Самбист блаженно улыбнулся:

– Я, Славик, каждый раз, когда ложусь под нее, задаю себе этот вопрос.

– Лучше бы ты чаще ложился под женщин, – ехидно заметил Болдин, – тоже тренировка полезная. И никаких вопросов при этом не возникает.

– Кстати, о женщинах, – весело заявил Самбист. – Ты знаешь, Славик, основное отличие женщины от штанги?

– Догадываюсь, – усмехнулся Болдин. – Когда ты ложишься с женщиной, ты, как правило, находишься сверху, а когда со штангой – ты всегда снизу.

– Нет, – улыбнулся Сеницын. – Тут дело в другом. Когда ты ложишься под штангу, ты думаешь, зачем тебе все это надо, а встаешь удовлетворенный и довольный, несмотря на усталость. А с женщиной все наоборот, прыгаешь к ней в постель, уверенный, что тебе все это

нужно, а потом... – Самбист грустно вздохнул, – лежишь весь измочаленный и не можешь понять, зачем тебе все это было нужно.

Полунин, с улыбкой на устах слушавший своих друзей, по окончании их разговора заметил:

– Остается только добавить, что и в том и в другом случае если ты в это дело втянулся, то остановиться уже очень сложно.

– А ты философ, Антоша, – усмехнулся Славка. – Не замечал этого в тебе раньше.

– Старею, Славик, начал о жизни задумываться.

Славка кивнул в сторону Антона:

– Посмотри на него, Иваныч, оказывается, не всем на пользу раздумья. Этот вот додумался до мысли, что со штангой приятнее, чем с бабой.

– А ты у меня доболтаешься до того, что я отправлю тебя в свой колбасный цех на консервы, – продолжил пикировку Антон.

– Ну хватит болтать, – оборвал Полунин. – Пора о деле поговорить. Где твой знакомый мужик с завода?

– А вон он ведет борьбу со своим животом, – ответил Антон, показав рукой в сторону противоположной стены, – вовремя начал, а то его скоро за беременную женщину принимать станут.

Тут только Полунин и Болдин, обернувшись, заметили, что на шведской стенке, прикрепленной к стене, висит, уцепившись руками за верхнюю перекладину, дородный мужчина в очках, одетый в трусы и футболку.

Висящий из последних сил старался оторвать свои ноги от стены и поднять их на такую высоту, чтобы они были параллельны полу.

Его дородное тело при этом содрогалось, а из горла вырывались надсадные звуки.

– Да, – медленно протянул Антон, наблюдавший за происходящим у шведской стенки. – Похоже, что стенка для него слишком крутовата... Эй, Гриша, брось это занятие, слезай и иди сюда.

Гриша медленно разжал руки и грузно приземлился на пол. После этого он мелкими шажками засеменил к поджидавшей его компании.

Это был очень толстый мужчина невысокого роста. Его редкие потные кудряшки волос прилипли к протупившей лысине. У него был мясистый нос, полные губы и брови стрелками, слегка вскинутые вверх, что делало выражение его лица умильно-наивным.

Верхняя губа его была чуть короче, чем нижняя. Может быть, из-за этого дефекта мужчина постоянно улыбался, обнажая ряд здоровых крепких зубов. Его большие черные глаза с красивыми длинными ресницами излучали внимание и доброжелательность.

– Знакомьтесь – это Гриша Соловейчик, главный инженер завода «Нефтьоргсинтез», мой давнишний приятель, – представил толстяка Антон.

– Видимо, тоже бывший спортсмен, – не удержался Славка.

Однако Григорий не обиделся и, весело засмеявшись, произнес:

– Ага, вы угадали. Я кандидат в мастера спорта по шахматам.

– Я уже понял, что не по бобслею, – снова съязвил Славка, сам имевший разряд по классической борьбе и поэтому считавший, что ему позволительно так подтрунивать.

– Напрасно ты о нем так, что касается бобслея, здесь Гриша мастером спорта вполне мог бы быть, – заметил Антон с улыбкой, делая ударение на букве «а» в слове «бобслей».

Полунин еще раз молча оглядел улыбающегося Соловейчика.

Белая майка с синей надписью «Монтана» на груди явно была ему мала. Черные трусы, пояс которых пролегал под низом живота, свешивавшегося через край, больше напоминали семейные, чем спортивные. На ногах были затертые старые тапочки. Для главного инженера завода он был одет не слишком презентабельно.

– Ну что ж, – сказал Полунин, – пойдём поговорим. Где это лучше всего сделать? – этот вопрос он адресовал Антону.

– Конечно, внизу, в комнате отдыха. Там нам никто не мешает.

Все четверо направились к деревянной лестнице, ведущей вниз, в подвал. Здесь располагались две просторные комнаты, идущие одна за другой, следом за ними находились душевая, сауна и небольшой бассейн.

Мужчины расположились в первой, самой большой комнате отдыха, обставленной мягкой кожаной мебелью.

Едва они расселись вокруг небольшого стола, стоящего в центре, как дверь соседней комнаты открылась, и на пороге появились две девушки, одетые в купальники.

– Мы нужны? – спросила одна из них, длинноногая высокая блондинка.

– Нет, девчонки, у нас серьёзный разговор, посидите в соседней комнате, – ответил Антон.

Девушки улыбнулись и удалились восвояси.

– Ого, – весело произнес Славка, – эти «тренажеры» мне нравятся больше, чем те, которые наверху.

– Какие симпатичные девчонки, – восхищенно произнес Гриша Соловейчик.

– Это наши массажистки, – не без гордости произнес Антон, – а заодно заведуют банным отделением. Ну, давайте к делу. Гриша, объясни моему другу, Владимиру Ивановичу, суть твоего предложения. Мы с ним партнеры, и от его решения во многом зависит, буду ли я участвовать в этом деле или нет.

Гриша вытер краем своей засаленной майки лицо и, слегка подавшись вперед, в направлении сидящего напротив него Полунина, начал свою речь:

– Наш завод, как вы, наверно, знаете, стал акционерным обществом, перейдя в частную собственность. Акции распределены среди всех работников предприятия, начиная от нашего генерального директора Веселовского и кончая последним дворником. Конечно, у Веселовского акций побольше, чем у дворника, но все же основная масса находится у рабочих. Сейчас их можно скупить подешевке, если вовремя этим заняться. У меня самого денег нет, но есть кое-какое влияние на заводе, так что, если мы договоримся, я смогу помочь вам в этом деле, – Соловейчик замолчал и внимательно посмотрел на Полунина.

Тот кивнул и, прикуривая, произнес:

– Ну что ж, цели очень даже понятны, остается разобраться с мотивами. Зачем нам покупать акции завода? Насколько я понял, «Нефтьоргсинтез» не является суперприбыльным предприятием, по крайней мере, на сегодняшний день.

В ответ Соловейчик лишь усмехнулся:

– Я вам скажу просто и откровенно, – продолжал он, – на сегодняшний день завод находится в полной ж..., производство почти стоит, сырья нет, оборудование устарело, инвестиций никаких. Но такое положение продлится недолго, я в этом уверен.

Слушая Григория, Полунин не мог не заметить, как переменился этот человек. Внутренне и даже внешне Соловейчик как-то подобрался, превратившись из добродушного увальня во вполне энергичного, четко и здраво рассуждающего бизнесмена. Взгляд его больших, обрамленных черными ресницами глаз, начисто лишившись прежнего добродушия, сделался холодным и цепким.

Соловейчик произвел на Полунина впечатление человека, умеющего разглядеть ближайшую перспективу и извлечь из этого пользу. Впоследствии это подтвердилось.

– У завода есть хорошие перспективы, – продолжил Григорий, – за бугром сейчас растет спрос на продукты переработки. Наш завод вполне может быть рентабельным, прибыльным. Для этого надо провести небольшую реконструкцию. Это понимают серьезные московские бизнесмены. К нам уже приезжали несколько человек из разных компаний, беседовали

с Веселовским, собирали информацию. Я уверен, что интерес к предприятию будет расти и дальше.

– И каков же вывод? – спросил Полунин.

– Если мы сейчас купим акции, сформируем приличный пакет, то его можно будет продать тем же москвичам за немалые деньги. И это понимаю не только я, на заводе уже началась возня. Некоторые городские группировки уже занялись скупкой акций, начали борьбу за установление контроля над заводом.

– Таким образом, мы пришли к вопросу о диспозиции. Как я понял из рассказа, у тебя, Гриша, плохие отношения с генеральным директором Веселовским, – сделал вывод Полунин.

Гриша горько усмехнулся и слегка насупился.

– Какие могут быть отношения с человеком, который все гребет под себя? – обиженно спросил он. – Он мнит себя хозяином завода и даже не считает нужным посвящать меня в какие-либо дела. Последние месяцы мне даже зарплату не платят, ссылаясь на отсутствие денег. Все бабки, которые приходят на завод, Веселовский обналачивает через левые структуры и забирает себе.

Полунин посмотрел на потертую майку и трусы Гриши Соловейчика и подумал, что такая бросающаяся в глаза внешняя замызганность является не только следствием личной неопрятности, но и скудности доходов.

Слово неожиданно взял Антон:

– Веселовский – это не самая большая проблема. На этого хмыря мы найдем управу, как следует морду ему пощупаем, и он усохнет, как бабочка в гербарии. Все дело в том, что за ним сейчас стоит Сатар.

– Ты имеешь в виду Олега Сатарова? – переспросил Полунин.

– Ну да, кого же еще, – недовольно скривившись, ответил Антон. – Этот выскочка хочет везде успеть, подмял под себя всех барыг в Зеленогорском районе города, захватил часть комков и казино в городе, словом, из молодых, да ранних.

Полунину была знакома эта фамилия. Лично с Сатаровым он не встречался, но по рассказам Антона он знал, что Олег – один из новой волны рэкетиров, поднявшихся на новой волне криминальных разборок и передела сфер влияния в городе.

В принципе, Сатаров и Синицын шли по одной дорожке. Оба они бывшие спортсмены. Сатаров был один из чемпионов области по карате, носил звание кандидата в мастера спорта.

В отличие от Синицына, который после школы сразу пошел работать, Сатаров успел окончить Политехнический институт. Однако по специальности работать не стал, занявшись коммерцией, в которой он не слишком преуспел.

Однако он уяснил для себя, что выгоднее опекать коммерсантов, нежели находиться с ними в одной упряжке. Для этого надо было иметь не только мозги, но и силу. Такой силой стали коллеги по секции, в которой он занимался.

Как и Синицын, Сатаров поддерживал железную дисциплину, никоим образом не поощряя ни пьянства, ни разгула своих поделльников.

Однако в отличие от умеренного и не слишком жестокого Синицына, сатаровская бригада зарекомендовала себя дерзкой и жестокой. Впрочем, это отчасти было оправдано тем, что начало деятельности Сатарова пришлось на период, когда все сферы влияния были уже поделены.

Начав свою криминальную деятельность на территории Зеленогорского района города, Сатаров постепенно выдавил и уничтожил группировки бандитов, которыми изобилдовал этот обширный район. После этого Сатаров стал одной из самых заметных фигур на криминальном небосклоне города.

Однако в конфликт с бригадой Самбиста Сатаров не вступал. Отчасти потому, что их интересы ни разу не пересекались, отчасти и потому, что бригада Синицына, одна из старей-

ших в городе, на самом деле была помощней и поорганизованней, чем новоявленная братва Сатарова.

Однако за ее стремительным продвижением вверх не без опаски наблюдали многие влиятельные авторитеты города.

– Если мы ввяжемся в это дело, – спросил Полунин, глубоко затягиваясь сигаретой, – с кем еще нам придется столкнуться?

– Есть еще один товарищ, который нам вовсе не товарищ, – усмехнулся Антон. – Несколько раз на заводе видели небезызвестного тебе Решетова, по кличке Коля-Решето. Говорят, что он тоже интересовался делами, которые мы сейчас обсуждаем.

– Интересный факт, – усмехнулся Полунин. – Если Коля-Решето, который два плюс два сложить не может, вдруг заинтересовался акциями предприятия, значит, дело действительно прибыльное, поскольку на бабки нюх у него, как у голодной собаки на колбасу.

– Это правда, что он вор в законе? – настороженно спросил Григорий.

– Правда, – подтвердил Полунин. – Коля лет пятнадцать чалился на зоне, лет пять назад его короновали и после отсидки прислали сюда смотрящим. Однако должность смотрящего Коле-Решету оказалась не по зубам, город у нас больше бандитский, чем воровской.

Полунин с усмешкой взглянул на Синицына:

– К тому же и лидер из Коли получился слабоватый. Поэтому большим авторитетом он здесь не пользуется. Конечно, своя зона влияния у него есть, на него ориентируются большинство блатных, то есть бывших уголовников, – пояснил для Гриши Полунин.

– И вы тоже, Владимир Иванович? – спросил Полунин Соловейчик. – Вы, как я знаю, тоже из бывших?

Полунин не ответил, глубоко затянувшись сигаретой.

Однако неожиданно заговорил Антон:

– Иваныч – он у нас всегда был и есть сам по себе. Он ни на кого спину гнуть не собирается и других не заставляет это делать, поэтому и авторитет у него в городе немалый.

– Я, Гриша, ориентируюсь на порядочных людей, – наконец взял слово Полунин. – А такие встречаются где угодно – и среди блатных, и среди молодого поколения братвы, – после этих слов Полунин посмотрел на Самбиста, – и даже среди ментов, – закончил Полунин, давая Соловейчику понять, что разговор на эту тему закончен раз и навсегда.

По тому, как смущенно улыбнулся Соловейчик, для Полунина стало ясно, что Григорий понял его намек. Не зря он производил впечатление понятливого человека.

– А теперь, Гриша, я хотел узнать о твоих мотивах и о твоём интересе в этом деле?

– Я преследую две задачи, – откликнулся Григорий, – первое, я хочу расширить свой пакет акций, получить свой достойный кусок от предприятия, в которое вложил немало сил и времени. Я ведь пришел на завод почти семь лет назад и прошел путь от старшего мастера до инженера. Я думаю, что имею право на большую часть доходов, чем сейчас.

– А второй мотив? – спросил Полунин.

– Он связан с первым, – ответил Григорий, – я хочу реально управлять своим предприятием и не хочу, чтобы всякие веселовские помыкали мной, как пацаном сопливым, связавшись с братвой и опираясь на ее стволы.

– И ты решил опереться на стволы Самбиста? – усмехнувшись, продолжил мысль Григория Полунин.

– А почему бы и нет, – хитро улыбнулся Соловейчик. – На каждую силу всегда найдется еще большая сила.

Он как-то радостно оглядел богатырские плечи Самбиста. Однако в следующий момент, переведя взгляд на Полунина, он перестал улыбаться и серьезным тоном произнес:

– К тому же это и вам выгодно, вы же понимаете?

– Это, Гриша, не только выгодно, но и опасно, в том числе и для тебя, – ответил Полунин. – Ни Сатаров, ни твой ненавистник Веселовский не простят тебе такой подлянки.

– Я готов к этим испытаниям, – заявил Григорий. – Я готов на все, чтобы доказать этому козлу Веселовскому, где его место. Ну и к тому же, – Григорий с надеждой посмотрел на Полунина и Самбиста, – я думаю, вы меня защитите от разных неприятностей.

Невольно возникшую напряженную паузу сгладил Самбист. Добродушно улыбнувшись, он протянул руку к Соловейчику и энергично похлопал его по плечу:

– Не бойсь, Гришаня, если узнают, что ты с нами, трогать тебя не будут.

Самбист повернулся к Полунину и спросил:

– Ну, что ты думаешь обо всем этом деле, Иваныч?

Полунин ответил не сразу. Он тщательно загасил окурочек.

– Ну что ж, дело интересное, надо обсудить его поподробнее.

– Ну, вот и хорошо, – неожиданно подал голос Славка, молчавший доселе. – Вот вы и обсуждайте с Иванычем, в конце концов, ведь вам вдвоем в это дело деньги вбашлять, а я пока пойду в сауне попарюсь, с массажистками пообщаюсь.

Славка поднялся и, расстегивая на ходу рубашку, отправился в соседнее помещение.

Соловейчик воспринял уход Славки как намек на то, что Полунину и Синецину надо остаться наедине, и тоже поднялся.

– Я, пожалуй, тоже к нему присоединюсь. Не буду вам мешать... Кстати, Антон, как зовут девушек?

– Татьяна и Ксения, – отмахнулся от Григория, как от назойливой мухи, Антон.

– А блондинку как зовут? – продолжал расспрашивать Григорий. – Я люблю стройных блондинок.

– Ксения ее зовут. Давай, Гриша, не теряй время!

Когда Полунин и Синецин остались наедине, несколько секунд оба молчали. Полунин задумчиво разминал новую сигарету, Самбист expectantly и терпеливо наблюдал за ним.

– Ну, что скажешь, Иваныч, ты же у нас мозговой трест?

– А что говорить, ты, похоже, уже готов наложить лапу на завод...

– А что? По-моему, дело прибыльное. Гришка бы нам туфту не подсунул, я его давно знаю. Он, конечно, мужик себе на уме, но и свою, и чужую выгоду всегда хорошо видит.

Полунин закурил, не спеша размышляя о предложении Соловейчика и совершенно не обращая внимания на нетерпение, проявляемое Самбистом.

Он прекрасно понимал, что Антона в этом деле привлекает не только благоприятный финансовый исход.

Самбист этим шагом хотел упрочить свое влияние в городе, урезонив рвущегося в лидеры Сатарова, а также претендента на это звание Колю-Решето. Последний хоть и безуспешно, но все же продолжал претендовать на роль главного местного авторитета.

Полунин понимал, что, дав согласие, он ввязывается в опасную игру, и до конца не был уверен в необходимости для него самого этого шага.

Но у Полунина были аргументы и в пользу подобного поступка.

Во-первых, если верить словам Соловейчика – а Полунин был склонен ему верить, – это дело сулило немалые барыши. Во-вторых, Полунин не мог не поддержать своего друга Антона Самбиста, с которым его связывают не только деловые отношения, но и личная дружба.

Третьим аргументом, пожалуй, не менее важным, чем первые два, являлось то, что Владимир находился на переломном этапе своей жизни. Твердо решив «завязать» со своим чисто уголовным прошлым, Полунин искал для себя новую нишу. Этой нишей мог бы стать крупный легальный бизнес.

В этом смысле предложение Соловейчика стать владельцем крупного предприятия, которое хоть и находится в упадке, но все же имеет хорошие перспективы, показалось ему симпатичным.

– Ну что ж, давай попробуем, – заявил Полунин, к радости Антона, – только сначала все хорошенько обмозгуем. Заезжай завтра ко мне вечером, мы хорошенько продумаем все детали этого дела.

– Хорошо, – весело заявил Самбист, – а теперь, может, обмоем это дельце? – он сделал выразительный жест.

– Нечего пока обмывать, – усмехнулся Полунин, – дела еще нет, одни задумки. К тому же я обещал домой пораньше вернуться, меня жена ждет.

– Передавай ей от меня привет, – понимающе кивнул Антон. – Завтра увидимся. А то, может быть, останешься, я тебе еще пару массажисток подыщу?

– Нет, спасибо, – улыбнулся Полунин, – веселитесь без меня, а то меня старуха дома заругает.

– Ничего себе старуха, – усмехнулся Сеницын, – если бы у меня дома сидела такая старуха, то я бы здесь не торчал по вечерам.

– Наверно, ты сидел бы с ней у нас дома, – отшутился Полунин и, махнув на прощание Самбисту рукой, направился к своему «БМВ».

Самбист проводил Владимира долгим взглядом.

* * *

Обсудив на следующий день все детали предстоящего дела, Полунин и Сеницын разработали план действия и без лишних проволочек принялись его осуществлять.

В считанные дни была зарегистрирована фирма, в которой они оба были учредителями. Эта фирма официально занялась скупкой акций завода «Нефтьоргсинтеза» по цене, вполне привлекательной для простых держателей акций.

Параллельно с этим Соловейчик, получив от Полунина и Самбиста крупную сумму наличными, занялся скупкой акций непосредственно на заводе. Поскольку цены на акции, предлагаемые Полуниным, были выше, чем у конкурентов, дела с самого начала пошли хорошо.

Работники завода, едва сводившие концы с концами из-за нищенской зарплаты, которая к тому же задерживалась месяцами, с охотой продавали никчемные бумажки, полученные от государства в награду за многолетний труд на заводе.

Однако столь удачное начало дела не могло не иметь и негативных последствий.

Полунин ожидал ответных действий от конкурентов каждый день с момента скупки акций, но дни тянулись один за другим, а никакой информации на этот счет не поступало.

Каждый день ему звонил Гриша Соловейчик. Он сообщал Полунину результаты дневных покупок, при этом неизменно утверждал, что никаких проблем пока не возникает.

То же самое сообщал Полунину и Самбист, заходя к нему вечером в гости. Но ни у кого из них не было иллюзий по поводу отсутствия ответных действий.

Прошло чуть больше недели с момента начала скупки акций. Полунин, как обычно, рано утром приехал на свою станцию техобслуживания.

Последняя представляла собой ряд кирпичных гаражей, скупленных Полуниным и обнесенных забором. В гаражах располагались боксы, где велся ремонт автомобилей. Кроме этого, Полунин надстроил второй этаж, где располагался его личный кабинет, а также бухгалтерия и другие технические службы.

Полунин заехал во двор станции, вылез из машины и направился в свой офис.

Навстречу ему из бокса вышел высокий пожилой мужчина, крепкого, немного грузного телосложения, одетый в засаленный комбинезон. На голове, несмотря на летний зной, красовалась черная вязаная шапочка с небольшим помпончиком, из-под которой пробивались седые редкие волосы, в уголке рта у ремонтника тлеяла вот-вот готовая потухнуть «беломорина».

– Доброе утро, Шакирыч, – поздоровался со стариком Полунин. – Как дела? Все нормально?

– Что-то ты часто стал спрашивать, все ли у нас нормально и в порядке ли дела, – недовольно проворчал Шакирыч, протягивая Полунину для рукопожатия свою широченную ладонь, практически всегда испачканную машинным маслом. – Уж не удумали ли вы со Славкой какую-нибудь новую затею, которая сделает нашу жизнь ненормальной?

Шакирыч, как и Славка Болдин, был вторым ближайшим помощником Полунина как по легальному, так и нелегальному бизнесу. Когда-то они втроем занимались угоном и перепродажей автомобилей.

Славка теперь курьировал работу автосалона, расположенного неподалеку, Шакирыч замещал Полунина на станции техобслуживания. Работа на станции была близка ему по духу, к тому же он был прекрасным автомехаником.

– Кстати, а Славка сегодня не появлялся? – спросил Полунин, оглядывая двор станции.

Кроме новенькой красной «Нивы», принадлежавшей Шакирычу, и полунинского «БМВ», во дворе никаких других машин не было.

– Сейчас прикатит, бездельник, – недовольно проворчал Шакирыч.

В этот момент во двор въехала белого цвета «Тойота». Из машины вышел улыбающийся Славка Болдин и, подойдя к Шакирычу, поздоровался:

– Здорово, мужики.

– Ну вот, ты посмотри на него, – произнес Шакирыч. – Третий день за ним наблюдаю, и каждое утро морда у него опухшая. Наверняка бухал где-то вчера.

– Кажется, я догадываюсь где, – усмехаясь, добавил Полунин, поглядывая при этом на Славку. – Понравилось тебе у Самбиста в бане париться?

– Это тебе Антоха настучал? – спросил Славка.

– Нет, – покачал головой Полунин, – сам догадался. Волосы у тебя чистые, к тому же от них до сих пор эвкалиптом несет.

– Это Самбист большой любитель бани, – произнес Болдин, – он и валерьянку и эвкалипт на камни любит плеснуть да еще и просит, чтобы по нему веничком прошлись. Нам-то с Гришкой все равно, мы не настолько повернуты на этих банных причиндалах.

– Каким еще Гришкой? – насторожился Полунин.

– Как каким, Гришка Соловейчик, с которым ты и Самбист недавно о делах говорили, – ответил Болдин.

– Он что, тоже большим любителем бани оказался? – спросил Полунин, нахмурившись.

– Нет, – улыбнулся Славка, – он больше по бабам. Никогда бы не подумал – такой увалень с виду, а в сексе оказался ураган. Он со своей Ксюхой – помнишь высокую блондинку, массажистку? – так вот, он с ней вчера пять раз в красный уголок удалялся. Представляешь, Шакирыч, какая мощь у человека в штанах, а живот побольше, чем у тебя будет.

– Завидуешь? – криво усмехнувшись, спросил Шакирыч.

– Кому? Тебе или Гришке? – не понял Славка.

– Блондинке, – откомментировал Шакирыч, сплюнув наконец потухший «Беломор».

– Да иди ты, – отмахнулся обиженный Славка.

– На месте этого Соловейчика я бы дома сидел и носа не высовывал, – хмуро заявил Полунин. – А этот придурок по баням шляется, приключений на свою жопу ищет, ловелас хренов.

– Да ты не волнуйся, Иваныч, – успокоил его Славка, – там у Самбиста он как раз в полной безопасности. Спортклуб охраняется, да и братвы там постоянно много отирается.

Полунин облегченно улыбнулся.

– Надо же, недооценил я Гришу, – произнес он. – Он, оказывается, мастак полезное с приятным сочетать.

– Может, вы расскажете мне о деле, в которое вы влезли, и чего вы так опасаетесь? – потеряв терпение, проворчал Шакирыч.

– Пойдем, Шакирыч, я тебе все объясню, – сказал Полунин, похлопав старика по плечу, и, повернувшись к Болдину, добавил: – А ты иди работай, а то в последнее время слишком много отдыхаешь.

...Выслушав рассказ Полунина, Шакирыч недовольно скривился и грузно прошелся по комнате.

– Не нравится мне все это, – произнес он своим хриплым булькающим голосом.

Полунин лишь улыбнулся в ответ.

– Иного я от тебя и не ожидал, – произнес он, – я вообще не помню такого случая, чтобы ты сразу одобрил какое-то предложение.

– Здесь случай особый, – заявил Шакирыч, – не верю я в эти акции и вообще не верю в то, что с нашим государством можно играть по его же правилам. Оно обязательно нас нае... т, как пить дать.

– К опасностям нам с тобой, Шакирыч, не привыкать. Когда мы машины угоняли, тоже ведь рисковали, и немало.

– Там другое дело, – отмахнулся Шакирыч, – там правила устанавливали мы. Да и вообще, скажу тебе честно, надоела мне такая жизнь. Хватит, нарисковался я на своем веку. Старый уже стал, покоя хочу.

– Не волнуйся, Шакирыч, – заверил его Полунин, – я ведь тебя за собой не зову, я это для того рассказал, чтобы ты в курсе был. Если у нас все получится, что мы с Самбистом задумали, у тебя прибавится работы на станции, кому-то надо присматривать за нашим хозяйством.

Шакирыч подошел к окну, задумчиво рассматривая станционный двор, затем, скосив глаза на сидящего у окна Полунина, спросил:

– А тебе, похоже, Иваныч, нашего хозяйства мало?

– Скажу тебе откровенно, Шакирыч, мало, – честно признался Полунин, – хочется чего-то большего. Жизнь продолжается, перемены в ней происходят, а мы все на одном месте.

– Ну-ну, – недовольно произнес Шакирыч, – большие доходы – большие проблемы... Кстати, о проблемах, – добавил он, снова взглянув в окно, – похоже, к тебе гости приехали, и чувствует мое сердце – приехали они неспроста.

Полунин поднялся и подошел к окну, встав рядом с Шакирычем.

Во дворе остановился большой черный джип «Гранд-Чероки», из машины вылезли четверо мужчин. Двое из них остались во дворе, а двое направились к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Мне остаться, – спросил Шакирыч, – или уйти?

– Остайся пока, – спокойно ответил Полунин и, вернувшись к своему столу, сел в кресло.

Через несколько секунд дверь кабинета отворилась, и его порог переступили двое молодых людей.

Первым вошел высокий, широкоплечий парень, одетый в дорогой светло-серый костюм, ладно сидевший на его худощавой фигуре.

На вид ему было лет двадцать пять—двадцать восемь, его черные волосы были аккуратно подстрижены и зачесаны назад. Черты его лица казались правильными и красивыми, но только

издалека. Взгляд его светло-серых глаз был холодным и малоподвижным, а постоянно блуждающая на тонких губах усмешка придавала его лицу несколько надменное выражение.

Одет он был модно и даже изысканно. Дорогой костюм, белоснежная рубашка, модный галстук с заколкой. Обут в дорогие кожаные ботинки.

Следом за ним, держась на отдалении, вошел невысокого роста худенький брюнет, чьи кучерявые волосы на голове были в некотором беспорядке.

Так же как и на первом визитере, на нем были надеты костюм, рубашка и галстук. Лицо у него было худое, продолговатое, нос длинный, с горбинкой, губы маленькие, плотно сжатые, взгляд черных глаз внимательный и настороженный.

Вошедший первым гость подошел к столу Полунина и движением ноги подвинул к себе стоящее рядом свободное кресло, после чего решительно уселся в него, расстегнув предварительно пуговицу своего пиджака.

Положив руки на подлокотники кресла и чуть склонив голову набок, гость пристально посмотрел в лицо Полунина.

Второй посетитель не стал садиться, а встал возле первого, стреляя глазами то в Полунина, то в Шакирыча. Губы его как-то странно дергались, словно их владелец еще не решил, стоит ему улыбаться или нет.

– Как я понимаю, ты и есть Володя Седой? – заявил сидящий напротив Полунина визитер.

– Вежливые люди называют меня Владимиром Ивановичем, – ответил Полунин, продолжая спокойно разглядывать непрошенных гостей.

Его визави только усмехнулся и представился:

– Меня зовут Сатаров Олег Григорьевич. Слышал, наверно, обо мне?

– Слышал, – ответил Полунин, – а это кто за твоей спиной, твой телохранитель?

– Шутник, – криво усмехнулся Сатаров. – Он так же похож на моего телохранителя, как этот верзила на твоего бухгалтера, – при этих словах Сатаров кивнул на прислонившегося к подоконнику Шакирыча.

– Зря ты смеешься, Шакирыч мастер на все руки, он тут и бухгалтером работает. Во всяком случае, ему можно доверить деньги, – добавил Полунин.

– Моя фамилия Веселовский Александр Михайлович, – заявил стоящий за спиной Сатарова мужчина. – Я генеральный директор завода «Нефтьоргсинтез».

– А у меня пока здесь еще не филиал вашего завода, чтобы вы врывались сюда без стука и рассаживались здесь, как у себя дома, – холодно произнес Полунин.

– Вот именно что пока, – с усмешкой парировал Сатаров, – до меня дошли слухи, что ты работаешь над этой проблемой. По крайней мере ты начал скупать акции нашего завода вместе со своим дружкой Антохой-Самбистом.

– Мы знаем, что это его люди пасут круглосуточно этого придурка Соловейчика, – сказал стоящий за спиной Сатарова Веселовский. – Жаль, что я не уволил этого идиота раньше.

– Жаль, что мы не закопали его еще раньше, – добавил Сатаров. – В нашем городе одним придурком было бы меньше, а воздух стал бы чище.

– Да уж, – улыбнулся Полунин, – это все надо было сделать раньше, сейчас это будет сделать труднее.

– Вот что я тебе скажу, Седой, – тихо проговорил Сатаров, слегка подавшись вперед, – и лучше бы тебе сделать так, как я тебе скажу. Забирай-ка ты своего еврея и сваливай с завода, пока я не вышвырнул вас оттуда пинком под зад.

– Слушай, ты, пацан, – лицо Полунина побледнело, челюсти плотно сжались, на скулах заходили желваки, однако голос был по-прежнему спокойным и невозмутимым, – если ты продолжишь беседу в таком же тоне, то сам вылетишь отсюда вместе со своим евреем. Если же ты

пришел сюда поговорить, то говори нормально, как человек, а не как шпана из школы дефективных.

Лицо Сатарова словно окаменело, глаза немигающе уставились на Полунина, губы плотно сжались. Казалось, еще секунда-другая – и оба собеседника бросятся друг на друга.

– Пожалуй, им надо поговорить наедине, – сказал Шакирыч, отделяясь от окна.

Он обошел сзади кресло, в котором сидел Сатаров, и, подойдя к Веселовскому, обнял его за плечи и легко развернул, словно картонную игрушку.

– Пойдем, сынок, – почти ласково, по-отечески произнес Шакирыч, подталкивая Веселовского к двери, – пусть большие дяди поговорят один на один, а нам потом расскажут, что сочтут нужным рассказать.

Веселовский даже не сопротивлялся, поскольку Шакирыч был на голову выше и почти в два раза шире его. Он вопросительно посмотрел на Сатарова, но тот не обратил на него никакого внимания. Веселовскому ничего не оставалось, как удалиться из кабинета.

Как только за ушедшими закрылась дверь, Полунин спросил:

– Так что же ты мне хотел сказать, Олег?

– Только то, что уже сказал, – сквозь зубы процедил Сатаров, – прекрати скупать акции завода. Это предприятие находится под моей «крышей», и мне решать, кому там хозяйничать. Мне хватает проблем с Колей-Решетом, который тоже вознамерился стать акционером, а тут вы еще с Самбистом лезете, как последние беспредельщики.

– Беспределом занимаешься ты, – ответил Полунин. – Даже если завод находится под твоей «крышей», он еще не твоя собственность. Да и с кем ты договаривался, что это твоя территория? Может, с Колей-Решетом или с Самбистом? Кстати, почему ты сегодня пришел ко мне, а не к нему?

– Брось придураться, Седой, – вскричал Сатаров, вскочив на ноги и наклонившись над столом Полунина. – Все прекрасно знают, что вы с ним корешитесь и что ты у него главный советчик. Как ты скажешь, так все и решается, поэтому не хрен мне тратить время на разговор с Самбистом. Я пришел сразу к тебе и тебе лично заявляю, чтобы вы не лезли на завод, иначе оба об этом пожалеете. Ты меня понял? – при этих словах он направил указательный палец в направлении лица Полунина.

Реакция последнего была совершенно неожиданной для Сатарова. Лево́й рукой Полунин быстро ухватился за указательный палец, направленный на него, а правой вцепился в волосы Сатарова.

Одновременно резко потянув и палец, и голову Сатарова вниз, Полунин прижал беспомощного соперника лицом к столу, при этом Сатаров, побелевший от боли, не мог даже пошевелиться.

– Ну вот что, сопляк в галстук, – проговорил Полунин в самое ухо Сатарова, – мне надоело слушать эту туфту, хотя я слушал тебя внимательно и терпеливо. Теперь ты послушаешь меня. Запомни раз и навсегда – никогда не давай выхода эмоциям, если пришел говорить о деле. И второе – прежде чем убедить человека в чем-то, для начала надо его хорошенько изучить. Если бы ты побольше узнал обо мне, ты понял бы, что говорить со мной в таком тоне – это полный бесполезняк. Я на своем веку многое пережил, меня и не такие, как ты, крутые пугали. И третье правило запомни – всегда, прежде чем что-либо сделать, попытайся сначала договориться с людьми. Худой мир всегда лучше доброй ссоры. Воюют только дураки и отморозки, а умные люди должны договариваться. Я по этим правилам давно уже живу и тебе рекомендую. А теперь, когда первый урок закончен, давай попытаемся спокойно поговорить, и поверь, что лучше бы нам сейчас договориться, чем потом.

Он отпустил палец Сатарова и оттолкнул его голову от себя. Сатаров отшатнулся и, потеряв равновесие, плюхнулся в кресло, в котором он только что сидел. При этом он, скривившись от боли, прижал правую руку к животу, активно растирая ее левой.

– Ну, сука, – прошипел Сатаров, – ты пожалеешь об этом.

– Я уже пожалел, что так нехорошо поступил с тобой, но другого выхода у меня не было. Ну так что, будем договариваться? – спросил Полунин.

– Не о чем нам с тобой договариваться, – со злобой ответил Сатаров. – Выбор у вас небольшой – или вы сваливаете с завода, или вас оттуда вперед ногами вынесут.

– Жаль, – пожал плечами Полунин, – ты мне показался более способным учеником. В следующий раз ты меня будешь сам об этом просить.

Сатаров встал и молча направился к выходу.

– погоди, – окликнул его Полунин, – прическу поправь, а то нехорошо будет, если тебя таким увидят твои люди.

Сатаров остановился и посмотрел в прикрепленное к стене небольшое зеркало. Он молча достал из бокового кармана расческу, тщательно причесался, поправил пиджак и галстук, злобно сверкнул глазами в сторону Полунина и так же молча вышел из помещения.

Когда в кабинет снова вошел Шакирыч, Полунин стоял у окна, с задумчивым видом наблюдая, как со двора станции выезжает джип Сатарева.

– Ну что, похоже, договориться с этим пижоном не удалось?

Полунин молча покачал головой.

– Сегодня не удалось, – произнес он. – Этот парень понял, с кем надо договариваться, но не знал как. Но все же мозги у него есть.

– Однако и амбиций у него выше крыши, как я погляжу, – добавил Шакирыч и тут же спросил с едва заметной тревогой в голосе: – Во что это все выльется в конечном счете?

Полунин неопределенно пожал плечами:

– Не знаю. Все зависит от того, что возьмет верх – разум или амбиции.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лобникову показалось, что Полунин уснул. Веки его были сомкнуты, дыхание ровное, он расслабленно положил голову на спинку кресла.

Однако, как только Валерий потянулся рукой в карман плаща за сигаретами, Полунин, мгновенно разомкнув веки, бросил на Валерия пристальный взгляд.

– Кстати, а ты давно знаешь Сатарова? – неожиданно спросил Полунин.

Валерий криво усмехнулся и ответил:

– Можно сказать, что до сегодняшнего дня я его почти не знал.

– Это звучит довольно странно, – на устах Полунина появилась язвительная усмешка, – ты что же, не слышал о том, что происходило в нашем городе? Не слышал о тех громких убийствах, потрясших не только наш город, но и попавших на полосы центральных газет страны? Ты же все-таки не на острове в океане жил, ты все это время работал с Сатаровым и не мог не видеть, что он творит?

– Все это меня не касалось, – устало ответил Лобников, – потому что происходило в другом мире, в вашем мире бандитов и воров. Я занимался конкретными делами компании и не собирался вмешиваться в ваши разборки. Образно выражаясь – я лишь вел счет со стороны.

– Типичное заблуждение для наивных, которые считают, что если они на войне сидят в обозе, то смерть им не грозит, – сказал Полунин. – Иногда обоз бомбят в первую очередь, чтобы лишить резервов основные силы. Так что, может быть, ты и вел счет, но не со стороны, а находясь в самом центре боевых действий. Когда Сатаров почувствовал, что вы становитесь слабым звеном в его обороне, он не задумываясь решил избавиться от вас и прислал киллеров.

* * *

Война с Сатаровым развернулась стремительно и так же быстро закончилась.

В тот же день, когда Сатаров посетил Полунина и между ними состоялся не очень вежливый разговор, в кабинете главного инженера завода «Нефтьоргсинтеза» Григория Соловейчика появились двое визитеров.

Секретарша Григория – Анастасия Павловна, полная сороколетняя женщина, сообщила своему шефу по селектору, что к нему пришли двое рабочих по поводу акций.

Григорий попросил их войти и, поднявшись, направился к сейфу, где у него хранились деньги и купленные акции, доставая на ходу связку ключей.

Однако, увидев гостей, Григорий насторожился, поскольку оба вошедших никак на рабочих не походили.

Оба визитера хотя и были одеты в рабочие спецовки, но их откормленные рожи и накачанные мышцы явно не вязались с полуголодной жизнью заводчан. Оба были под два метра ростом и очень коротко стрижены.

– Ребята, вы из какого цеха? – начал было Гриша, пряча ключи от сейфа в карман брюк.

В следующий момент его самые дурные предчувствия оправдались. Один из вошедших молча взял стоящий рядом стул и, просунув его ножку через дверную ручку, заблокировал дверь.

Гриша интуитивно попятился назад и онемевшими от страха губами бессвязно залепетал:

– Ребята, вы чего... Я это... Вы же не будете меня...

– Мы из сатаровского цеха, – усмехнулся один из бандитов. – Пришли тебя проведать, узнать, много ли акций ты скупил?

Соловейчик, быстро семеня тумбовидными ногами, ловко забежал за свой рабочий стол и, выставив вперед руки, произнес:

– Ребята, ребята, давайте поговорим.

– Конечно, мы с тобой поговорим, толстожопый, – заверил его один из бандитов, обходя стол. – Но по-своему.

Когда Соловейчик был уже в непосредственной досягаемости бандитов, он с пафосом провозгласил:

– Я работаю на Самбиста.

– А теперь будешь работать на аптеку, – парировал один из бандитов и правым боковым ударом двинул ему кулаком в челюсть.

Одновременно второй бандит ткнул его ногой в живот.

От такой мощной атаки грузного Григория моментально отбросило назад.

Он плюхнулся в стоящее сзади него кресло, но инерция была столь велика, что кресло перевернулось и Григорий рухнул вместе с ним на пол, устроив такой шум, что его услышала даже секретарша в приемной.

Подбегавшие к лежащему Григорию бандиты стали избивать его ногами. Соловейчик, находясь в полусознательном состоянии, интуитивно закрывал одной рукой лицо, второй защищал гениталии.

От серьезных увечий его спасла Анастасия Павловна. Обеспокоенная грохотом в кабинете шефа, она попыталась заглянуть туда. Обнаружив, что дверь кабинета закрыта изнутри, Анастасия Павловна обеспокоилась еще больше и принялась громко барабанить в дверь кабинета.

Бандиты поняли, что дело сделано и им пора сваливать.

На прощание пнув еще раз свою жертву носком ботинком в пах, отчего Соловейчик заверещал так, что его услышало все заводоуправление, один из бандитов произнес:

– Если ты еще хотя бы один фантик купишь, мы тебе твои кишки на твою жирную шею намотаем.

Дверь перед Анастасией Павловной открылась так неожиданно, что она обомлела, замерев на месте и вытаращив глаза на стоящего перед ней мордоворота.

Последний схватил ее железной рукой за лицо и, отстранив от дверей, тихо произнес:

– Что разоралась, как корова недоенная?

– Сиди здесь тихо, а то мы тебя вмиг подоим, – заявил второй, больно хлопнув секретаршу по ягодицам.

От этих слов и действий Анастасия Павловна пришла в такой ужас, что не двинулась с места, пока бандиты не скрылись из глаз.

Когда же они наконец ушли, секретарша зашла в кабинет Соловейчика и застала его там лежащим на полу с залитым кровью лицом.

– Господи, что же они с вами сделали, – пролепетала Анастасия Павловна, склоняясь над Соловейчиком и вынимая из кармана блузки носовой платок.

В ответ Григорий тихо и жалобно застонал. Он с большим усилием приподнялся на локте, затем сел, прислонившись к стене.

– Господи, как больно, – пролепетал Гриша и тут же, похлопав себя по карману, добавил: – Слава богу, что ключи от сейфа на месте.

Пока Анастасия Павловна аккуратно убирала платком кровь с лица, Григорий, совершенно не стесняясь, массировал свою паховую область.

– Может быть, милицию позвать? – предложила Анастасия Павловна.

– Не надо, – раздраженно отмахнулся Гриша. – Менты их все равно не найдут. Позовите лучше медсестру из санчасти и дайте мне телефон. Боюсь, что я сам еще не скоро буду ходить.

Когда секретарша вышла из кабинета, Григорий набрал номер Самбиста.

– Антоша, – жалобно простонал в трубку Соловейчик, – на меня напали и избили... Да, я весь в крови... Нет, нет, акции я этим козлам не отдал... Сегодня, кстати, была неплохая выручка, – при последних словах голос Соловейчика заметно окреп.

Однако в следующий момент Гриша снова заплакал и запричитал:

– Господи, ты бы знал, как все болит...

* * *

Вечером того же дня Полунин и Самбист навестили Григория дома.

Соловейчик встречал гостей, лежа на кожаном диване и обложившись подушками. Лицо его было в нескольких местах залеплено пластырем, голова перевязана бинтом так, как будто бы на него была надета белая шапочка.

Над ним колдовала уже знакомая массажистка из спортклуба «Зенит» – Ксения.

– Как же ты так обосрался, Гришаня? – без обиняков спросил Антон, едва гости усьелись в кресла напротив Соловейчика. – Ты зачем свою охрану оставил за воротами завода?

– Так все тихо было, Антоша, до сегодняшнего дня. Мне Иваныч только утром позвонил и сказал, чтобы я на стреме был, а они через два часа пришли и избили меня, – после этих слов лицо Гриши скривилось, из его больших темных глаз катились крупные слезы, при этом рука рефлекторно легла на гениталии.

– Ну, гугусик, ну, маленький, успокойся, – запричитала сидевшая на подлокотнике кресла Ксения.

Она погладила безвольно опущенные плечи своими тонкими изящными руками и, склонившись над Гришей, чмокнула Соловейчика в перебинтованную макушку.

– Маленькому сделали бобо. Ну, успокойся, не плачь, до свадьбы заживет.

Гриша, не переставая кукситься, нервно дернул плечами, а хмуро наблюдавший за этой сценой Самбист раздраженно воскликнул:

– Да иди ты на хер, Ксюха, со своими телячьими нежностями. Отстань от него, дай нам поговорить.

Ксения обиженно вскинула голову и удалилась на кухню.

– Что они еще тебе сказали? – спросил у Григория Самбист.

– Что, по-твоему, они могут мне сказать? Не здоровья же они мне пожелать пришли, – взъерепенился Гриша. – Пригрозили, что если я не прекращу акции скупать, они мне кишки на шею наматывают.

– Понятно, – тяжело вздохнул Антон и перевел взгляд на Полунина.

– Слушай, Иваныч, тебе не кажется, что Сатаров слишком резвый? Утром с тобой поговорил, а в обед Гришку уже отделали. Что ты ему сказал такое, что он так засуетился?

– Да ничего хорошего я, Антоша, не сказал, – устало произнес Владимир. – А к действиям он перешел так быстро потому, что готовился к этому заранее. Я думаю, что нам в ближайшее время надо ждать еще каких-нибудь пакостей от Сатарова и его братков, поэтому всем надо быть очень осторожными. Нигде без охраны не появляться, даже в сортире, – Полунин посмотрел на Соловейчика, – лишний раз лучше из дома не выходить и прекратите ваши ночные посиделки в сауне спортклуба!

При этих словах Антон смущенно потупил голову и, оправдываясь, заговорил:

– Да брось ты, Иваныч, в спортклубе безопасно, там же у меня охрана круглые сутки.

В этот момент зазвонил мобильник. Владимир произнес в трубку:

– Полунин слушает.

Он слушал говорившего несколько минут, потом наконец произнес:

– Я все понял. Отправляйся домой и сиди там, пока за тобой охрана не приедет.

Отключив связь, он насмешливым взглядом окинул Гришу и Самбиста и сказал:

– Из спортклуба звонил ваш приятель, еще один любитель бани и банных девочек – Славка Болдин. На клуб только что было совершено нападение. Открыли автоматный огонь по окнам из проезжающей тачки.

– Жертвы есть? – отрывисто спросил Самбист.

– Слава богу, нет. В самом спортзале было всего три человека, остальные, как и Славка, находились в подвале, в сауне парились. На сей раз это их спасло, – ответил Полунин.

– А те, что были в спортзале, пострадали? – спросил Антон.

– У одного порезы разбитым стеклом. Славка сообщил, что, судя по всему, они не хотели замочить кого-то. Большинство пуль попали в верхнюю часть окна и застряли высоко в стене.

– Пугает, сучара, – прошипел Антон, сжав свои здоровенные кулаки. – Ну ничего, я этому паскуде Сатарову устрою такой фейерверк, что он от страха кровью обделается.

– Нечего с ними церемониться, – неожиданно заорал Григорий, – мочить их надо, козлов, пока они нас всех не перерезали.

– Заткнись, – оборвал его нахмурившийся Полунин. – Твое дело скупать акции, вот этим и занимайся и еще соблюдай правила безопасности, о которых тебе было сказано.

– Но они же все равно нам спокойно жить не дадут, – взволнованно произнес Соловейчик.

– Это уже не твое дело, – заявил Полунин. – Это наш с Антоном вопрос, и решать будем его мы.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен. Антон тоже встал.

– Ты как себя чувствуешь? – неожиданно спросил Полунин. – До работы дойти завтра сможешь?

– Смогу, – уныло ответил Григорий, – если не убьют по пути.

– Не переживай, Гриша, – усмехнулся Самбист, – если и будут в первую очередь убивать, так это Иваныча или меня. Ты здесь на вторых номерах.

– Это слабое утешение, – ответил Соловейчик.

Когда Полунин и Сеницын были уже в прихожей, их вышла провожать Ксения. Антон примиряюще улыбнулся блондинке и произнес:

– Ты тоже сиди здесь. В спортклуб не ходи, там сейчас опасно. Ухаживай лучше за больным.

– Хорошо, – согласилась Ксения. – Будем подымать на ноги.

Антон усмехнулся и спросил игриво:

– А у него подымалка после этих побоев еще работает?

– Не беспокойся, – с улыбкой заверила Сеницына Ксения, – аппарат в полном порядке.

До вашего прихода я уже это проверила.

– Надо же, – удивился Самбист. – Какой он живучий.

Самбист и Полунин уселись в джип. За рулем сидел Николай, парень, которого Полунин видел на днях дежурным в клубе «Зенит».

Машина уже отъехала от дома, где жил Соловейчик, когда Антон спросил у Полунина:

– Ну что, Иваныч, пора применять ответные меры, иначе этот стебанутый скоро нам гранаты в почтовые ящики будет засовывать.

– Если уже не засунул, – задумчиво произнес Полунин.

– Вот именно, – подтвердил Антон, – пора и нам принимать адекватные меры.

– Большой войны нам в городе вести никто не позволит. Да она нам и не нужна. Слишком дорогой ценой может обойтись победа, – заявил Полунин.

– Так, что ты предлагаешь? – спросил Антон.

Полунин глубоко затянулся сигаретой и, выпустив в приоткрытое тонированное окно дым, произнес:

– Нужен хороший стрелок, снайпер.

Антон, словно ожидая этих слов, тут же заявил:

– Есть у меня такой человек.

Он положил руку на плечо шофера.

– Это Николай, в спецбригаде МВД служил, не одну горячую точку прошел. Снайпер – его армейская специальность.

Полунин посмотрел в зеркальце заднего вида и встретился там глазами с Николаем. Тот спокойно выдержал взгляд Полунина и отвел глаза, продолжая следить за дорогой.

– Не волнуйся, Иваныч, человек надежный, ручаюсь за него, как за себя.

– Ну тогда слушайте внимательно, есть одна идея...

* * *

Театр военных действий не закончился стрельбой у спортклуба «Зенит».

Рано утром, когда Полунин приехал на работу в сопровождении охранников, приставленных к нему Антоном, он уже знал, что ночью у ворот станции произошел взрыв. Об этом ему сообщили рано утром.

Как определили приехавшие из милиции эксперты, у ворот было взорвано самодельное взрывное устройство с часовым механизмом.

Взрыв произошел часа в четыре ночи, когда на станции был один сторож. От взрыва были покорежены железные ворота, а также выбиты стекла в окнах станции и соседних домов.

К моменту приезда Полунина милиция уже уехала, а Шакирыч отдал команду работникам отремонтировать ворота станции.

– Я решил, что новые заказывать нет смысла. Никто не знает, когда это закончится, может, еще раз взорвут, – угрюмо проворчал Шакирыч.

Полунин ничего не стал говорить Шакирычу, молча поднявшись в свой кабинет. Едва он поднялся на второй этаж, как раздался телефонный звонок.

Звонил Соловейчик, сообщивший об очередном происшествии.

Когда перебинтованный Григорий с тремя охранниками явился на завод, на родном предприятии его поджидали очередные сюрпризы.

На территорию завода его долго не пускал сотрудник ВОХРа, мотивируя это тем, что вчера генеральным директором был подписан приказ, отправляющий Соловейчика в вынужденный отпуск в связи с бедственным положением предприятия.

Когда же Соловейчик, матерясь и грозя старику-охраннику всевозможными карами, все же прорвался на завод, то, подойдя к своему кабинету, увидел новую металлическую дверь, ключей от которой Григорию, естественно, никто не дал.

Его секретарша, Анастасия Павловна, сидела на стульчике в коридоре, поджидая своего шефа. Она тоже не знала, что ей делать, так как ее, как и Соловейчика, отправили в неоплачиваемый отпуск.

Григорий полдня орал и скандалил в отделе кадров, доказывая, что приказ Веселовского незаконен. Однако гендиректора на заводе не было, и приказ никто не мог отменить. Но это было полбеды, самое главное, что ему никто не давал ключей от новой двери кабинета.

В кабинет Соловейчик проник лишь к вечеру, и помог ему в этом один из слесарей завода по имени Василий. За бутылку водки он с помощью нехитрых слесарных инструментов вскрыл замок.

Однако уже после первого сообщения Соловейчика Владимир понял, что, похоже, войну на территории завода им вряд ли удастся выиграть. Слишком велик административный ресурс у Веселовского в сравнении с Соловейчиком.

Решив так, Полунин тут же перезвонил Антону Синицыну и, сообщив ему о новых злоключениях Соловейчика, дал новое указание.

– Вот что, Антон, похоже, надо переходить ко второму варианту действий – готовьте будку, – распорядился он. – Все вопросы, связанные с разрешением на аренду, я решу в администрации.

– Понял тебя, Иваныч, – с готовностью ответил Синицын. – Будка готова, сегодня же вечером поставим ее на видное место. Зайду к тебе вечером.

– Нет, сегодня не заходи, я уеду на дачу. Решил отвезти жену и ребенка подальше от этой суеты.

– Хорошо, я все понял, – после некоторой паузы произнес Самбист. – Если что будет нового – созвонимся.

После звонка Антону Полунин сразу же набрал еще один номер. Как только на том конце взяли трубку, он поздоровался:

– Здравствуй, Василий Алексеевич. Это Владимир тебя снова беспокоит. Я хочу вернуться к нашему недавнему разговору.

– Приветствую тебя, Иваныч, – послышался в трубке глухой мужской голос. – Я все сделал, как ты просил. Большого по телефону сказать не могу, сам понимаешь. Ты сегодня на даче будешь?

– Да, собираюсь подъехать, – ответил Полунин.

– Вот и хорошо, там и поговорим, – произнес собеседник Полунина.

– Ну тогда до вечера, – ответил Полунин и положил трубку.

Василий Алексеевич Крикунов являлся подполковником милиции и занимал должность заместителя начальника областного управления ГАИ.

Кроме этого, Василий Алексеевич был просто соседом Полунина по даче. Их двухэтажные особняки располагались рядом в дачном поселке Анисовка недалеко от города.

Это был элитный дачный поселок для известных городских чиновников. Несколько лет назад Полунину удалось купить здесь готовую дачу за немалые деньги.

За эти годы Полунин познакомился со многими своими соседями, с некоторыми из них он имел и деловые отношения.

Особенно сдружился Полунин с Крикуновым. Но, кроме дружбы, их также связывал совместный бизнес.

Василий Алексеевич являлся одним из тайных подельников криминального бизнеса Полунина и не раз помогал Владимиру в оформлении бумаг на краденые автомобили. Об этой стороне их «дружбы» кроме их двоих практически никто не знал.

Василий Алексеевич немало способствовал расширению деловых связей Полунина. Клиентами Владимира было немало городских чиновников, ремонтировавших свои автомобили на полунинской станции техобслуживания.

Однако сегодня Полунин обратился к Василию Алексеевичу совсем по другому поводу.

Когда ранним вечером Владимир открыл калитку крикуновской дачи, хозяин был уже на месте.

Услышав лай своей кавказской овчарки, вышедший хозяин, раскинув руки и широко улыбаясь, направился навстречу гостю.

– Рад тебя видеть, Владимир Иванович, – произнес Крикунов, обнимая Полунина.

Он был почти одного роста с Полуниным, но гораздо полней его. К сорока годам Василий Алексеевич сильно прибавил в весе и потерял значительную часть волосяного покрова. В компенсацию этой потери он отпустил пышные усы, которые содержал в идеальном состоянии.

– Ну проходи, проходи, Володя. Я вчера слил бутылочку молодого вина с прошлого урожая, и знаешь, что я тебе скажу, – не зря я столько маялся, выращивая у себя на плантации виноград. Сейчас ты попробуешь и оценишь. Уверяю тебя, ты будешь в восторге.

Крикунов, обняв за плечи Полунина, повел его в дом.

– Не сомневаюсь в этом, Алексеич, – произнес Полунин. – Но прежде чем насладиться плодами виноделия, неплохо было бы поговорить о деле.

Крикунов согнал с лица улыбку и понимающе кивнул.

– Не волнуйся, я все сделал, как обещал, – человек тебя уже поджидает, – сказал он.

Оба вошли в дом, и в просторной гостиной Полунин увидел еще одного гостя Крикунова.

Это был высокий темноволосый мужчина, худощавый, достаточно молодой, на вид ему было немногим больше сорока лет. Он был одет по-летнему в светлые брюки и темную рубашку.

Завидев Полунина, он улыбнулся и протянул ему руку. Полунин поздоровался.

Хозяин дачи представил их друг другу.

– Знакомься, Иваныч, это майор Бирюков Константин Матвеевич, из областного УВД. Я думаю, что он сможет тебе помочь. В свою очередь, хочу тебе сказать, майор, что если у тебя появятся проблемы с твоим драндулетом, то на станции Владимира Ивановича из него сделают конфетку и недорого при этом возьмут.

Крикунов, добродушно похлопав обоих по плечу, произнес:

– Ну, вы пока поговорите, а я пойду чего-нибудь к столу приготовлю.

Когда Крикунов вышел из комнаты, Полунин и Бирюков уселись в кресла напротив друг друга. Первым заговорил майор Бирюков:

– Ну что, Владимир Иванович, изложите суть ваших проблем, возможно, я сумею вам чем-нибудь помочь.

Полунин вынул сигарету из пачки, не спеша прикурил ее и только после этого ответил:

– Вы выразились не совсем точно, Константин Матвеевич. Я пришел сюда говорить не только о своих проблемах, но и о ваших в том числе.

Левая бровь Бирюкова вздернулась, на его продолговатом длинноносом лице отразилось легкое удивление.

– Признаться, я не понимаю, о чем вы говорите, – недоуменно произнес майор.

– Вы ведь, насколько я знаю, представляете службу по борьбе с организованной преступностью в нашем областном УВД, – уточнил Полунин.

– Совершенно верно, но при чем здесь это? – пожал плечами Бирюков.

– Думаю, именно к вам и вашей службе возникнут вопросы, когда городская братва развернет в городе новую кровопролитную войну. Я уверен, что отцы области будут недовольны вами, – предположил Владимир, наблюдая за реакцией милиционера.

– О какой войне вы говорите? – нахмурившись, спросил Бирюков. – Вы имеете в виду развернувшуюся борьбу за завод «Нефтьоргсинтез» между группировками Самбиста и Сатара?

– Вы оптимист, майор, – усмехнулся Полунин, – в городе слышна автоматная стрельба, рвутся гранаты, людей избивают прямо на рабочих местах. Только благодаря чуду пока нет убитых. А вы осторожно называете это борьбой.

– В чем причина конфликта? – спросил Бирюков. – Почему начался такой ожесточенный спор из-за завода, который уже давно лежит чуть ли не в руинах? Каковы шансы у противоборствующих сторон?

Полунин снова усмехнулся:

– Константин Матвеевич, я ведь пришел сюда не как информатор, это как-то не в моих правилах – стучать на кого-либо. Жизнь, знаете ли, сложилась так, что ментовского стукача из меня уже не получится.

– Извините, Владимир Иванович, – смущенно заметил Бирюков, – это чисто профессиональное – задавать вопросы и получать информацию, я не хотел вас обидеть. Однако, чтобы помочь вам, я должен знать об этом деле как можно больше.

– Я пришел к вам с предложением, – ответил Полунин, – что же касается ваших вопросов, могу сказать только следующее. Стрельба началась только потому, что наши братки хорошо

знают, что такое война, и совсем не понимают, что такое конкуренция, особенно цивилизованная конкуренция. Вам прекрасно известно, что молодая поросль очень хорошо умеет стрелять и почти совсем не умеет договариваться, находить компромисс.

Полунин глубоко затянулся сигаретой. Бирюков слушал Полунина, не проявляя заметного интереса к разговору.

– Что же касается завода, – продолжал Владимир, – то времена меняются, сегодня он – в руинах, а завтра он может стать процветающим предприятием. Это зависит от нас самих, я имею в виду акционеров завода.

– Зачем вы мне все это говорите, Владимир Иванович? – неожиданно заметил Бирюков. – Ведь мне по большому счету все равно, кого из братвы убьют, а кого посадят. Для меня главное, чтобы в городе был порядок, который я мог бы контролировать.

Бирюков усмехнулся и добавил:

– Вы уж простите меня за откровенность, ведь я по другую сторону баррикады...

– Ничего страшного, – усмехнулся Полунин, пожав плечами. – Я и не питал никаких иллюзий по поводу ваших взглядов. Однако, хоть вы и находитесь по другую сторону, все же мы с вами ходим по одним улицам и наши с вами интересы вполне могут совпадать. Вам не нужны массовые кровопролития на улицах города, а мне нужно спокойствие, чтобы заниматься бизнесом. Сложно вести дела, знаете ли, когда вынужден прятаться от киллеров.

– Итак, что вы предлагаете? – попытался подытожить Бирюков.

– Надо заставить братву зачехлить стволы, – коротко ответил Полунин.

– Ну что ж, хорошая идея, – согласился Бирюков. – В конце концов, это во многом зависит от вас самого. Ведь ваше влияние на группировку Самбиста достаточно велико. Попробуйте уговорить своего друга не начинать открытых действий.

– Я думаю, это мне удастся, – ответил Полунин. – Но войну начал Сатаров, бригадир куда более амбициозный и агрессивный, остановить его будет совсем непросто. Нужен аргумент, который станет для него решающим и заставит его сесть за стол переговоров.

Бирюков задумался. Несколько минут он сидел, откинувшись на спинку кресла, и задумчиво поглаживал пальцами подбородок.

Молчание прервал Полунин, внимательно наблюдавший за майором милиции.

– Я хочу лишь добавить, что мир нам выгоден, а если это выгодно, то я готов за это заплатить.

На лице Бирюкова заиграла слегка самодовольная улыбка.

– Ну что ж, давайте попробуем обсудить детали этой нашей проблемы...

* * *

Утром следующего дня рабочие завода «Нефтьоргсинтез» увидели, что недалеко от проходной на тротуаре появилась небольшая, белого цвета будка, похожая на газетный киоск.

Однако все окна будки были занавешаны жалюзи, за исключением маленького окошка, в котором любопытные могли лицезреть симпатичное женское личико.

Под самой крышей будки красовался приличных размеров плакат, гласивший: «Скупка акций завода „Нефтьоргсинтез“».

Поначалу заводской люд недоумевал по поводу столь необычного киоска. Однако вскоре по заводу прошел слух, что будка поставлена главным инженером Соловейчиком, которого директор выгнал с завода.

Соловейчик пользовался гораздо большей популярностью, чем гендиректор Веселовский, поскольку, в отличие от директора, не стоял у кормушки и считался в глазах заводчан даже лицом гонимым.

Избиение Григория в его собственном кабинете добавило ему еще и ореол мученика, поэтому для работников завода продажа акций именно Соловейчику была не только более выгодной коммерческой сделкой, но и своеобразным актом восстановления справедливости.

Поэтому поток акций в будку Соловейчика, как ее моментально окрестил народ, заметно усилился.

Однако, как и следовало ожидать, не всех обрадовало появление этой будки у ворот завода.

Вскоре перед будкой остановилась «девятка», из которой вышел крепкий парень, одетый в спортивный костюм. Он подошел к окошечку и, облокотившись о стенку, нахально обратился к девице:

– Ты чья будешь, дочка?

– В каком смысле? – не поняла девица.

Такой ответ привел парня в явное раздражение.

– Я тебя спрашиваю, ты от какой фирмы здесь акциями торгуешь, дура? – рявкнул он.

– От фирмы «Солоком», – обиженным голосом парировала та и добавила: – Сам дурак, – после чего захлопнула окошко перед самым носом парня.

– «Солоком», значит, – произнес задумчиво он. – Понятно...

Парень развернулся и решительным шагом направился к припаркованной «девятке».

Усевшись за руль, он включил мобильник.

– Вован, это Леха звонит. Скажи Олегу, что будка, которая появилась у завода, – это будка Седого с Самбистом. Телка, которая здесь акциями торгует, подтвердила, что это фирма «Солоком», а это их контора... Спроси, что делать-то. Может быть, поджечь ее вместе с этой козой?.. Ага, все понял, сейчас еду...

Однако после обеда к будке подъехала целая кавалькада машин. Первой подкатила «девятка» все того же «спортсмена», из которой, кроме него, вылезли еще четверо таких же здоровенных амбалов.

Следом за «девяткой» остановился бортовой «КамАЗ», а за ним расположился передвижной автокран на базе «ЗИЛа».

Четверо амбалов подошли к будке и легко, словно она была сделана из картона, качнули ее из стороны в сторону, радостно гогоча.

– Ну что, сучка, – наклонился к окошечку хозяин «девятки», – сама отсюда выскочишь, или мы тебя вместе с будкой на свалку отвезем?

В окошке сразу же появилось испуганное лицо девицы, которая удивленно тарасилась на стоящих у будки бандитов, а также на припаркованные недалеко от будки «КамАЗ» и автокран.

– Этого нельзя делать, – проговорила испуганная девчонка, – вы за это ответите!

Ее возбужденный визгливый голос привел бандитов в неописуемый восторг.

Леха, который был здесь за главного, еще красный от радостного возбуждения, повернулся к высунувшемуся из кабины водителю автокрана и крикнул:

– Эй, мужик, давай цепляй эту избушку и грузи ее на «КамАЗ». Пусть эта мокрошелка прокатится в ней по всему городу!

– Нет, нет, – крикнула девица, – сейчас мы к вам выйдем.

Дверной замок в будке громко щелкнул, дверь отворилась, и из будки выскочил маленького роста, худенький рыжеволосый милиционер, одетый, несмотря на жару, в бронежилет и вооруженный короткоствольным автоматом Калашникова.

На плече у него находилась портативная рация, из которой до ушей бандитов долетали слова дежурного диспетчера.

– Четвертый... Четвертый... Что у вас там происходит?... Доложите дежурному...

Рыженький сержант весело взглянул на обалдевших от неожиданности бандитов и, обращаясь к ним, как к своим старым друзьям, спросил:

– Ребят, вы чего это тут балуетесь? – он посмотрел в сторону «КамАЗа» и автокрана и добавил как-то удивленно-уважительно: – Техники-то сколько нагнали, надо же...

Бритоголовые смотрели на сержанта, вытаращив глаза и открыв рот.

– А мы это... Мы будку... – начал было первым опомнившийся от шока Леха.

– Будку убрать хотели? – радостно подсказал Лехе сержант.

– Ага... Будку, – оживленно закивал в ответ Леха.

– Не-е, ребята, будку нельзя убирать. Здесь акциями торгуют, – последнюю фразу сержант произнес с большим уважением к этому процессу.

– А здесь это... – начал приходить в себя Леха, – здесь не торгуют. Здесь нельзя торговать... акциями.

– Нам можно, – горячо заверил Леху сержант милиции, – у нас тут и разрешение есть от администрации. Вот оно висит, – указка в виде автомата ткнулась в листок бумаги, прикрепленный с внутренней стороны к оконному стеклу будки.

– И разрешение у вас есть? – тяжело вздохнул Леха.

– Есть, – еще раз повторил сержант и, неожиданно перестав улыбаться, добавил: – И охрана тоже есть.

Он демонстративно поправил ремень автомата.

– Так что вы, ребята, зря сюда с автокраном приехали, – подвел итог милиционер.

Воцарившееся молчание нарушил крановщик:

– Эй, мужики, что делать-то? Стропить эту будку или не стропить?

Ответом ему послужил голос дежурного из рации:

– Четвертый, доложи, что там у тебя происходит? Помощь нужна или нет?

После этих слов Леха быстро повернулся к крановщику и заорал:

– Какого хера ты здесь встал? Не видишь, что ли, у них разрешение есть? П...уй отсюда, да побыстрей!

Крановщик был не из тех людей, кому нужно повторять что-то дважды. Он быстро завел двигатель и через несколько минут ни его, ни грузовика у проходной завода уже не было.

Следом за ним поплелись к «девятке» и бритоголовые братки.

– Ну, мы поехали, – сказал Леха, направляясь к «девятке» последним.

Сержант стоял на улице до тех пор, пока «девятка» не скрылась на ближайшем перекрестке. После чего нажал кнопку передачи:

– Я Четвертый, передаю дежурному... У меня все спокойно, гости только что уехали... – после чего раздраженно добавил: – слушай, майор, когда нам решат, наконец, проблему туалета... На завод нас писать не пускают, в универсам, через три квартала, бегать далеко.

– Не беспокойся, сержант, этот пост надолго установили, так что все твои проблемы сегодня же решат. Те, кто просил охрану, в этом очень заинтересованы...

* * *

Вечером этого же дня в отдельной кабине ресторана «Оливер» бригадир Леха лично отчитывался перед Олегом Сатаровым.

– А что мне делать-то оставалось, в натуре? Стоит ментяра с «калашом», в броник одетый, и еще спецгруппа на стреме затаилась...

– Это ты откуда знаешь? Ты что, от страха провидцем сделался? – раздраженно спросил Сатаров.

– Да рация, рация у него работала во всю громкость. Дежурный спрашивал, что там случилось и не нужна ли помощь. Бля буду, Олег, менты на стреме были, они нас ждали, и формально до них не докопаешься. У них все бумаги подготовлены, типа разрешение от Администрации...

Леха замолчал, глядя на хмурого Сатарова, затем виноватым голосом добавил:

– Олег, ну, в натуре, не могу же я среди бела дня при таком раскладе мента вязать и будку отвозить. Да нас к вечеру всех повяжут...

– Ладно, усхни! – резко оборвал его Сатаров. – Скажи лучше честно, что обосрался при виде дохлого мента со стволом.

– Олег, бля буду! – начал было с обиженной горячностью Леха.

Но Сатаров оборвал его, с силой грохнув по столу, и заорал:

– Заткнись, тебе сказано! Если мы так от всех ментов ссать будем, то они нас точно пересажуют, – он раздраженно вскочил с кресла и заходил по комнате.

Кроме Лехи, за столом сидели Веселовский и еще один человек.

Это был высокого роста блондин плотного сложения. Так же, как Сатаров, он был хорошо одет. На нем был темно-синий костюм из тонкого твида и светлая рубашка. Выглядел он постарше Сатарова, на вид ему можно было дать лет тридцать пять.

Волосы его были коротко подстрижены, лицо скуластое, нос приплюснут. Манерами он не походил на Сатарова.

Однако черные, глубоко посаженные глаза, задумчивые и внимательные, выдавали в нем натуру незаурядную.

Это была правая рука Сатарова – Сергей Романенков, по кличке Романыч.

Романенков не принадлежал к числу спортсменов, которые и составляли костяк бригады Сатарова. Как и его шеф, Романыч имел высшее образование, в свое время он окончил военно-политическое училище и несколько лет служил в армии, пока не попал под сокращение.

Поменяв несколько контор, он решил попробовать себя в бизнесе. На этой стезе он и познакомился с Сатаровым. Некоторое время они были партнерами.

Когда Олег сколотил вокруг себя группировку молодых рэкетилов, он позвал к себе и Романыча, о чем не пожалел в дальнейшем. Бывший военный оказался неплохим стратегом, хорошим организатором и, что немаловажно, не лез на первые роли, оставаясь в тени своего шефа.

Ко всему прочему, Романыч привлек в бригаду нескольких бывших военнослужащих, имевших опыт службы в горячих точках, что, несомненно, усилило банду.

...Некоторое время Олег, хмуро глядя себе под ноги, ходил по кабинету.

Наконец он остановился возле кресла, скинул с себя пиджак и аккуратно повесил его на спинку. Жилетку от костюма он снимать не стал и, усевшись в кресло, бросил холодный взгляд на Леху:

– Чего расселся тут? Вали отсюда, ты свою работу уже сделал.

Бригадир Леха поднялся и понуро вышел из кабинета.

– Зря ты так, Олег, на самом деле твой парень прав, – осторожно заявил Веселовский, – связываться с ментами, да еще у проходной завода, не было никакого смысла. Нам бы это принесло еще больше проблем.

– Жидам слова не давали, – грубо одернул Веселовского Сатаров. – Ты хочешь своей ж... вообще не рисковать, чтобы тебе все акции на блюдечке принесли, а ты их только пересчитал. Лучше бы брал пример со своего приятеля Соловейчика, тот не боится своей башкой рисковать.

– Дурное дело нехитрое, – философским тоном заметил Веселовский, крутя в руке авто-ручку.

Сатаров махнул на него рукой и посмотрел на доселе молчавшего Романенкова.

– Ну а ты что скажешь, Серега?

Тот медленно пожал плечами:

– Я думаю, ты и сам понимаешь, Олег, что на этом этапе мы Седому и Самбисту проиграли. Никто не ожидал, что они к ментам обратятся. Думаю, что это дело рук Седого. Я,

признаться, думал, что он как вор и бывший зек побежит к своему собрату Коле-Решету, и они, объединившись, вдвоем нас валить будут. Силенок-то у них, у обоих побольше будет, чем у нас. Но Полунин оказался поумнее, он решил вообще без крови обойтись и договорился с ментами.

– Да уж, – протянул Сатаров усталым голосом, – пожалуй, у него есть чему поучиться.

– Мы ожидали войны и думали, что в лучшем случае удастся избежать больших потерь, а Полунин сделал нестандартный, но очень эффективный ход. Разве можно было предположить, что вор с ментом договорятся?

– При чем здесь менты и воры? Умные люди везде есть, а Полунин – умный человек и сумел убедить ментов помочь ему, при этом наверняка что-то им отстегнул, – по-прежнему раздраженно заметил Сатаров. – Но мы должны нанести ответный удар.

– Я предлагаю потребовать от городской Администрации убрать будку, ведь формально она находится на территории завода, – предложил Веселовский.

– Это ерунда, – покачал головой Романыч. – Даже если волокита закончится в нашу пользу, они просто перенесут будку на другую сторону улицы и ничего при этом не потеряют.

– Что ты предлагаешь? – спросил Сатаров, глядя на Романыча.

– Я думаю, что первым делом надо прозондировать, насколько Седой и Самбист спелись с ментами, для этого у меня есть кое-какие связи в ментуре. Я попытаюсь в ближайшее время навести справки, а во-вторых, ментовская среда не однородна, и нам самим необходимо найти там союзников, и чем скорее, тем лучше.

Сатаров кивнул, соглашаясь с Романенковым, и тут же, нахмурившись, добавил:

– Вот что я вам скажу... Ты прав, Романыч, говоря, что Седой решил действовать эффективно, и если они с Самбистом отказались от большой войны, это не значит, что они не будут действовать методом малой крови, а в этом случае самый эффективный способ – устранение главарей конкурентов. Под прикрытием ментов сделать это нетрудно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.